

Галина КОМИЧЕВА НА СРЕЗЕ ДЕРЕВА

Галина КОМИЧЕВА

НА СРЕЗЕ ДЕРЕВА

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ЭССЕИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Галина КОМИЧЕВА

НА СРЕЗЕ ДЕРЕВА

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2026

УДК 821.161.1.09+94(47)”20”
К140

Комичева Г.

К140 На срезе дерева / Галина Комичева — Друкарський двір
Олега Федорова. Киев, 2026 — 296 с.

ISBN 978-617-8484-75-0

В новую книгу Галины Комичевой «На срезе дерева»
вошли стихи из трёх предыдущих сборников, а также стихо-
творения, написанные за последние годы.

УДК 821.161.1.09+94(47)”20”

© Комичева Г., 2026

© Федоров О.М., издавец 2026

* * *

Который час? Ну да, уже светает...
Могучий тополь примет весь огонь,
всю тяжесть солнца, листья засверкают,
кидая свет с ладони на ладонь.

Огромный мир и в эту ночь не спал,
он, каторжный, вращал земное тело,
превозмогал, ворочал, закипал
в мирах непостижимости пределов.

...Прокаркала ворона. Городской
проснулся житель, и куда как просто, —
умыв лицо, вдохнув рассветный воздух,
он в океан вливается людской.

* * *

Мы с Природой одни. Ничего-то мне больше не надо.
Мне известно, что Времени нет, а Вселенная есть, —
она здесь, под ногами — в неброских цветах картошки,
в глазах простодушных овец и в золотистых стогах.

За деревней пастух неподвижно стоит среди трав,
в долгополом плаще, будто колокол спущенный с храма.
Тень по травам бежит, заливая всё больше земли,
заливая всё больше земли, всю её занимая.

* * *

Я вспоминаю Пирогово, —
ячмень,
полынь-трава,
тепло...
и лето вязкое текло,
как мед из банки трёхлитровой.

Лицом — к свободе ячменя,
затылком — к темноте декабрьской,
и я была вольна дикарски,
как будто не было меня.

* * *

Птицы лесные! — великие музыканты! —
от ветки — к богу, от бога — к ветке,
неутомимые перекликанты
с душами растворившихся предков.

Я изучаю ваши секреты
с утра до ночи, и с ночи до...
Из ничего вы опять на рассвете
возникаете, будто вдох.

В СЕВЕРНОМ ЛЕСУ

Костяника цветёт
и земля заманихой пахнет.
Можно молча стоять,
как в готическом храме.

Ахает...
птица какая-то
ахает,
        ахает,
                ахает,
и еловая шишка с самого верха падает.

За сосною, подальше, не напоказ,
пожилой, однозубый пан
то ли мох, то ли сказ шамкает,
а деревья, согласно ему, — шапками.

* * *

Июльской липе в мире нет соперниц,
её томленья нарушает все приличья.
Июль, известный жизнелюб и сладкопевец,
в любви к прохожим объясняется публично.

На скатах ярко-красных крыш и крыш зелёных
располагается избыток неба,
внутри деревьев, до предела раскалённых,
угадываются развилки нерва.

Вот что-то будет, наконец, вот что-то будет,
заполыхает кавардак горячей формы,
и только тополь нелюдимый не ликует,
а всё, мол, ничего, а всё, мол, в норме.

* * *

Серебристо-голубое небо над землёй,
облако, как выдох Бога, тает надо мной.
Бесконечная дорога, сколько ни иди,
незаметно оборвётся где-то впереди.

Там, в невиданном просторе,
там, где высоко,
станет тихо, станет просто,
просто и легко.

* * *

У сосен красные стволы,
у солнца старые привычки, —
довольно наигравшись в спички,
забаву бросит до поры.

Давно мы не были в лесу,
здесь где-то есть одно болото,
где в стиле позднего барокко,
или скорее — рококо,
сплелось и спелось, что могло,
чего на свете не бывало,
но в память намертво легло
и ощущеньем заковало.

Там беспощадно и умно
земное время верховодит
и тени стрелки переводят
туда, где тайно и темно.

* * *

Хватит города и суеты!
Циферблата, огней, интеллекта...
Как-никак начинается лето,
где-то есть полевые цветы.

Полудремлет лопух на пригорке,
добрый-добрый, лопух лопухом,
за сараем, на тесных задворках
куры шествуют за петухом.

Солнце тычется в щели забора, —
хочет жить в огородной судьбе.
Молча слушать земли разговоры
и не знать ничего о себе.

* * *

Кончается лето, кончается небо для птиц,
сегодня они ещё носятся, как на пожаре.
Высокий и точный полёт, он для избранных лиц,
для косточки тонкой и нежизнестойкой, пожалуй.

Счастливым бы случай хотя бы одну уберёт, —
летала бы птица, летала бы, не умирала, —
она для других угольком высоту отмеряла б,
да будет к ней, милостив, будет к ней милостив Бог.

* * *

Подсолнухи освещают день,
гром прогремит не завтра ещё,
туман пройдёт, как от Бога тень,
восстанет дуб, как Его плечо.

Сгребут стога всех небес лучи,
конь забредёт далеко в луга,
всё, что звучало, вдруг замолчит,
небо раскроется донага.

* * *

Звёзды падали в траву,
и с травой соприкасаясь,
таяли и превращались
в сновиденья наяву.

Ночь раскинула крыла
над затихшею деревней,
были призрачны деревья
и земля была тепла.

* * *

На берегу Днепра две горстки рыбаков,
привязанные прутиками к силе
большой воды, до вечера застыли,
реки широкой принимая кровь.

Закатный свет прибрежные кусты
окрасит охрой, удлинятся тени,
хозяин вод в невиданных владеньях
заговорит наречьем темноты.

И будет ночь огромна над Днепром,
и будут небеса над ним бездонны
с дрожащей филигранью, с серебром,
значками нот, упавших с неба долу.

* * *

спокойное лето
холмы
ничего не прошу у судьбы

по небу плывут времена-времена
какое у них исчисленье
я не пойму

* * *

Падает свет на ладонь подорожника,
солнце всем телом легло на луга,
маки горят в ожиданье художника
и неподвижны стога.

Синие ирисы, вытянув шеи,
томно поют о любви.
Если ты знаешь, кто их затеял,
имя его назови.

* * *

Холодный, дрожащий в тумане дождь моросит,
но если тепло одеться и зонт над собою раскрыть,
хорошо в эту пору смотреть на тяжёлое тело реки.

Неужели где-то воюют сейчас,
идут президентские выборы,
дверь закрывают на ключ?..

* * *

Всё голо. Льют дожди. Классический ноябрь.
Ничто не нарушает совершенства
стволов промокших, веточек продрогших,
и точно вычерчена луж густая рябь.

Всё, что могло отпеть и отплясать,
ушло, как не было, законы постоянства
неведомы природе, и пространство
даёт себе свободу замирать
на высшей точке грусти и блаженства.

* * *

На чистом листе декабря
одни воробьи да вороны.
Бело и безлюдно. Не зря
мой город в глубоком миноре.

В Золотоворотском саду,
где летом интеллектуалы,
закинув одна на одну
конечность, умно толковали
о свойствах старинных зеркал,
о нематерьяльных частицах,
разносится сольное «карр!»
золотоворотской певицы.

Лишь старый фонтан, как во сне,
молчания полная чаша,
феномен покоя редчайший,
себя экономит к весне.

* * *

Деревня в январе прозрачна и невинна,
всё в воздухе зимы готово к Рождеству.
Луна по вечерам восходит на средину
светящихся небес, чтоб сгинуть поутру.

Деревня замерла. Куда ни кинешь око, —
безбрежные снега. За мгlistый край земли
уходит санный путь, и за земным порогом,
как чья-нибудь судьба, теряется вдали.

* * *

За этот снег на деревенских крышах,
за дальний перезвон колоколов,
за всё, что мне пожаловал Всевышний
из не доступных глазу тайников,
я заплатила золотом печали,
о чём мне догадаться бы в начале
столь щедрой жизни. Из черновиков
дней прожитых мне выпало под старость
принять последнюю безжалостную данность
под сенью белоснежных облаков.

* * *

В морозное утро по чистому полю
разбросаны ранней зимы жемчуга,
все стороны света открыты, и полны
безмолвием белым снега.

За избами время идёт по-другому, —
задумавшись, тихо кружит у сосны.
По небу высокому, по голубому
плывут бесконечные сны.

* * *

Такой театральный, замедленный падает снег,
как на немецких, ещё довоенных открытках, —
под белую кровлю дом, и во двор приоткрыта калитка,
в доме покой и уют, и путнику — тёплый ночлег.

В эту минуту нигде нет ни предательств, ни горя,
нет никаких государств, трубопроводов и смет,
а небо вокруг и земля, да великое царство покоя,
и медленный, замороженный, нetaющий падает снег.

* * *

Какая долгая зима!
Какой невыносимый холод!
Окутанный снегами город
заполонила тишина.

Не правда ли, три тыщи лет
вокруг ничто не происходит?
И тусклый ангел скуки входит,
и с крыльев стряхивает снег.

* * *

В Голосеево, возле озёр
тишь расставила сети для шума.
О январской, о кроличьей шубе
вспомнил клён, городской фантазёр.

Ах, какая же осень была! —
простояла до самого холода,
и как женщина, всё отдала,
и ушла в чём стояла из города.

Всё свершилось, никто не сплосал,
ветер в городе мусор гоняет,
а душа неземная витает,
она просто летает, душа.

* * *

Тяжело и покойно лежало Балтийское море.
Ленивые чайки по кромке песчаной и мокрой
вразвалку и жирно ходили.

Но вот незадача! Мне видеть хотелось иное, —
как море взвихрится в девятибалльной пляске,
чтоб брюхо морское развёрстое было,
чтоб на берег сила морская бросала
дракона с разинутой пастью,
хрустальные замки, замок за замком, чтоб разбивала,
гнала бы из тёмно-зелёных глубин
сверкающих всадников, скачущих в дюны,
и старого, мокрого бога Нептуна
в разодранной ветром короне.

...Дно мира молчало, и я уезжала домой,
а за моею спиной — тихие волны,
одна за одной, одна за одной, одна за одной...

* * *

Ужасно море. Третий день штормит.
Бушприт продрогший выброшен на берег,
оборванные тросы оживают в шипящей гальке.

С тяжёлой медленностью набирая гнев,
коричневая мутная махина,
как бык в корриде, округляет спину,
чтоб сверху кинуться на волнорез, перевернуть киоск,
и маленьких людей загнать в кофейню.

В кофейне хорошо, но не уходит боль,
и лучше было оставаться с морем,
и вдаль смотреть со сдержанностью мола,
и думать: «до чего бесстрастен кипарис»,
и брать уроки старости красивой.

* * *

Не буду думать, что и я умру,
навек успокоюсь в соседстве с другими трупами...
Ну, нет, я не умру!
Мой город, как он сможет, не пойму
так просто отпустить меня во тьму?

Не верю я, что буду я везде,
в цветочках-лепесточках, что облачком я стану,
что буду я стоять торжественным каштаном
на улице моей, и — с гимнами весне .

Речным песочком тоже на берегу Днепра
не хочется мне быть.

И если посудить, на что это похоже, —
живую душу во кристаллик заключить
и жизнь земную навсегда забыть?

А вот придумали еще — быть квантом света ...
и этого я не приму совета.

Я верю в жизнь,
я верю в птичью стаю,
я верю в душу, ту, что на земле,
и всё что дышит и произрастает,
привычно, безраздельно верит мне.

* * *

Я люблю тебя, дерево,
и твоё растворение в воздухе,
и паренье твоё надо мною,
и лёгкие вздохи.

И когда мне темно,
настежь я открываю окно
и смотрю в темноту, — ты стоишь,
ты стоишь, значит, всё не так плохо.

АПРЕЛЬ

— Что делает Природа?
— Что делает? — живёт,
сама того не зная,
свободней всех свобод.

Сверкает или тлеет,
дождь выпал, дождь прошёл.
— Ну, как тебе в апреле?
— В апреле хорошо.

Не думать о вчерашнем
и завтрашнем, и прав
тот куст, что нас, дурашек,
цепляет за рукав.

Приму любую шалость
апрельскую, и пусть
апрель вселяет радость
и выселяет грусть.

* * *

Июльский дождь упал, как камень.
Июльский дождь упал на мостовую.
С такую сверхъестественною силой
его бросало непознаваемое существо
с необычайно развитой мускулатурой.

Раскачивая контуры домов,
дворов колодцы заполняя криком,
он был движеньем, гневом, был великим,
был гением дождепадения. Гнев его
начало брал в субстанции астральной,
чтоб разрешиться пляской ритуальной.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

Листья в лесу перегнули...
Со скрипкою на весу
до нитки раздетое дерево
качается на ветру.

Кру-кру — над лесом,
скрип-скрип — скрипка,
последние птички капрично
и лучшие, может быть.

Ши... шишки мокрые,
шо... шорох осени,
последние шумы сосен
и лучшие, может быть.

* * *

Берег.
Сосны.
Лодки тут и там
перевёрнуты.

Сети
паутину тонкую покоя ткнут.

Недремлющей рукой
причудливые знаки оставлю на песке,
прикосновение ветра прохладною ладонью
застынет на виске.

Ещё немного лет, и поплыву на лодке
туда, за горизонт,
а там обнимет вечность,
я вспомню век короткий
как эпизод.

* * *

Как больно мне смотреть на красоту,
на утренний туман, на световые пятна,
далёкую и близкую черту,
светящуюся в зареве закатном.

В пространственных лесах, где корабельных сосен
верха колышутся, тоскуют, говорят,
на восходящем солнце горят лесные торсы, —
художники природы, творят они, творят.

Я душу напою для следующей жизни
тобой, небесный свет, тобой, земная плоть.
Свободно и легко, сегодня, завтра, присно
любить, вдыхать, владеть позволил мне Господь.

* * *

Ещё не март. Под крепкой коркой льда
ворочается Днепр и хочет власти.
День-два ещё и закроют страсти,
от скуки не останется следа.

Заговорят поэты-идиоты,
«пророки», забулдыги, «мудрецы».
Хотите знать, зачем живём? — всего-то?!
Родимые, что ваши бубенцы! —

колокола не могут... Ну и век! —
всё кубарем на этой, на планете.
Но есть и настоящие поэты,
без них ты обокраден, человек.

* * *

Как трудно мне в бесснежном декабре
ключом скрипичным открывать пространство.
Сверчки, цикады, бабочки — в игре
ума и размышлений беспристрастных.

Чуть слышно пробивается скворец
к душе запутанной, заклёванной воронами.
Неясных смыслов рой, но ты где, наконец,
прозреньё! За какими ты иконами?

В промозглом, полупьяном декабре
мне без тебя никак не выжить.
Ворочается сила в дикаре,
а слов не выжать.

* * *

В. Г.

Неряха-Март, рубаха-парень!
ни в чём не знающий отказа,
пролаза, отщепенец, пария,
что там за пазухой, показывай!

— Что будешь делать, гость негордый?
— Петь равнодушным и глухим,
чтоб души безнадёжно мёртвые
воскресли с шутовством моим!

Шали, мой Март, напропалую,
пиши заборные слова,
растрчивай себя впустую
со всюю силой естества!

МАРТ

Готовые о стены разбиваться,
дворами шастали разбойные ветра,
над головой раскалывался панцирь
слежавшегося неба. Прошлогодних трав
пучки нечёсанные глазу предъявляли начало марта.

Как из-под земли, природа выходила из зимы
в лохмотьях просыпающимся бомжем,
глядящим в спины мирных горожан
с тяжёлым превосходством. И похоже,
ничто для Марта не было дороже
его свободы ото всех людей,
которых был и злей, и голодней,
и беззаботнее прохожих.

* * *

Я пришла на свет в окне,
а огней теперь негусто.
Мне не одиноко, мне
грустно.

В комнате твоей двухсот-
томник прогибает полку,
и всё тот же без умолку
на тахте мурлычет кот.

...Странно мы с тобой сидим —
не грустим, не веселимся,
одиночества хотим,
одиночества боимся.

* * *

Не жаль мне времени на праздные мечты,
на чистые снега смотрю часами,
и в тишине, до самой темноты
глубокими люблюсь небесами.

Из бесконечности, где царствует Ничто,
к житейскому легко ли возвращаться,
где всё знакомо, всё пережито
и нечему, как прежде, удивляться.

* * *

Рыбацкая лодка.
Холодный рассвет.

Напряжённно молчит бесконечность.

* * *

Собирались взрослые и пели,
тени открывали рты большие,
свечи ровным пламенем горели,
над свечами ангелы кружили.

Степь да степь, и человек один-один
с жизнью православно расставался,
кто-то сверху душу отбирал и уходил,
и ямщик ему повиновался.

Свет зажги, бабуля, и не пой.
Мы живём, чтоб умереть зачем-то...
Спойте «за світ встали козаченьки»,
русских песен никогда не пой.

К СЫНУ

Скорей проснись и защити меня
своею слабостью, незнанием порока
и неумением защитить. Проснись.

От моего всезнанья защити,
от моего всепониманья — тоже,
от чёрных кошек, мирозданья, от прохожих,
от злых и добрых духов защити.

В трясине бытия и распрей вечных
любви и доброты мне не искать.
Проснись скорей, пойдём с тобой на речку
бумажные кораблики пускать.

* * *

Рубашки мальчишеской узкий парус
колет надвое летний воздух.
У камелька вспоминаю под старость,
как ты кружил корабликом возле.

Не для каждого море открыто,
вдumаться, — та же вода для всех,
да и морями уж плыто-плыто,
эх!

Не потрясают глуби и выси,
а — чтоб в руках трепыхалась жуть.
Эй, у кого там ещё открылся
ум да талант! Беги! Сожрут!

С богом, мой мальчик, лети куда знаешь,
топкая залежь башлёвых душ
задышала, раскрылась настезь,
время настало для маникюруш.

Но будет та ночь, она будет, мой ясный, —
дверь ли откроется так, сама,
зажжёшь ли свечу, а она погаснет...
Ночь одиночества тем и сильна.

* * *

Пироги — едокам, облака — беднякам,
травам — необозримое поле,
думы — умным, пустые слова — дуракам,
цепь — рабу, а свободному — воля.

Слух и зрение на полную мощность включи,
поручи себя зрению и слуху,
не ищи золотые от счастья ключи, —
они рядом, по правую руку.

* * *

Не бойся высоты, и я не буду — тоже,
ущелья улиц пусть кипят страстями,
цепями, скоростями, новостями...
никто не опоздает никуда.

И если кто-то дёрнет за рукав,
невнятное докрикивая снизу,
за божий дар ещё не доругав,
на вдох и выдох не давая визу,

молчи, работай, не смежая век,
безропотно сними с себя чужое.
Из худших бед, что знает человек, —
жить на земле с разменной душой.

* * *

Не пропади в дороге.

Я встану перед иконой Богоматери
и буду просить её
об одном и том же,
об одном и том не,
об одном и том же.

Я научусь держать церковную свечку
и ждать, пока она догорит до конца,
пока она догорит.

И когда оторвутся колёса Боинга от карающего бетона,
и смирительная рубашка на теле моего сына
разорвётся по позвоночнику,
я прошу тебя, Дева Мария,
будь со мною, прошу тебя,
будь со мной.

ПИСЬМО

Холодный май, сынок, холодный май!
Наш во дворе фонтан с отбитыми гусями
давно бездействует, и долгими часами,
беседуя от скуки с небесами,
меняет над собою облака.
Те проплывают, поминай как звали,
уходят, окликай-не окликай.

Бог с ним, с фонтаном. Утро. Я берусь
за непосильный труд из жизни каждодневной,
из тренья дня об день, где всё обыкновенно,
добыть огонь посредством вдохновенья,
и добываю, если не ленюсь.

Но чаще вход к сокровищам души
отборными досками заколочен
крест-накрест умыслом чернорабочим
рассудка. Перед ним как ни пляши,
бессильны перья и карандаши.

И потому, закрывшись в мастерской,
вымаливаю милости у Бога,
чтобы найти к самой себе дорогу,
надолго разводящую с тоской.

* * *

Володе

Давно мы не виделись, брат!
Изменился наш дом.
Снесли голубятни,
и дети в войну не играют.

Тог мальчик, что нам не давал ни санок, ни велосипеда,
читает марксизм-ленинизм, и носит портфель-дипломат.

А помнишь художника? — вечно стрелял на вино,
он умер, бедняга, и стал знаменит после смерти.
Это он говорил нам, что дерево может страдать,
что жизнь бесконечна, и добрый всегда побеждает.

А наш патефон!
Где он, бабушка, где патефон?
Разве взрослые смели понять, что любовь есть на свете!
Аргентинское танго... и снова Серёжка Чернов
уходит в туманную даль
навсегда-навсегда-навсегда.

* * *

Б. М.

Берег пуст. Холодная река.
В кромку льда уткнулись катера.
Рваным пледом застелил декабрь
русло неподвижного Днепра.

Склон горы крутой полураздет,
солнце уплывает за бугор,
и в домах так рано гасят свет,
и ни с кем не сладить разговор.

Разве что с тобою, старина,
Дуб на круче, друг ветвистый мой,
с глаз моих спадает пелена,
стоит мне увидеться с тобой.

* * *

До свиданья, Нико!
Я с тобой не прощаюсь, Нико,
как не прощаюсь с деревьями и с небесами.
Я не знаю, Нико, и ей-богу, не знает никто,
почему на вокзале так трудно всегда со словами.

Как горячее горло не может ни звука издать,
так разорванный надвое, вдруг оживает рисунок.
Да и что нам друг другу перед разлукой сказать,
если всеми словами повелевает рассудок?

* * *

К. Р.

Мы с тобой давно не говорили,
мы не скоро встретимся ещё,
чья-то воля руку возложила
на моё и на твоё плечо.

Нам досталось золото молчанья,
невозможность встречи на земле,
всё, что нас с тобою разлучает,
сводит нас с тобой ещё сильнеей.

* * *

Вот и остаёмся мы с тобой,
белый ангел, легкокрылый мой,
жизнь раскроет все свои страницы,
все страницы, окромя одной.

Тайну оставляя в стороне,
будем пить из одного колодца.
Вряд ли знают про песок на дне
души в серебристых колокольцах.

Всё испить, и каждый свой глоток,
как последний, чувствовать в гортани,
этой влаги чистый холодок
в неизбежном приближенье к тайне.

* * *

Это лето под Киевом
с георгинами, красавцами во всю пруть,
с сеном-соломой на чердаках,
с ковриком над постелью,
где лебедь в пол-озера.

С корабельными соснами над песчаным обрывом...

Это лето с мучительными ветками,
с шелестами и всплесками,
с тяжёлыми ливнями,
как будто сейчас они скажут всё-всё-всё.

Это лето с любимым твоим лицом.

* * *

К.Р.

Хочу вас видеть, слов не различать,
переплетутся пальцы голых веток
с верёвкой, где постельное бельё
вбирает соль зимы в льняные нити.

Вы это знаете, есть сила на земле,
что намертво соединяет судьбы
и никогда не связывает бытом.
Есть сила высшая, что сочетает нас
священным браком с миром запредельным.

Что спорить с миром дольным! — он жесток,
так мало в нём любви и много смерти,
и много ль значат миллионы книг
в момент ухода! Что ж, и в этот миг
природа каждой клеткой существа,
с подаренною навсегда свободой,
пребудет с нами. Чудом обновленья
дано нам будет страхи превозмочь.

* * *

В.Е.

Мы займём у кого-нибудь денег,
не задорого купим вина
и в вечерней, божественной лени
при свечах посидим у окна.

За деревней покоится вечность,
бессловесная, тайная жизнь.
Освещённые пламенем свечи,
мы с природой волшебнo слились.

* * *

Свобода! — так просто и так легко,
как в первые, лучшие дни снегопада,
но, бог ты мой, как же к тебе далеко
и долго идти, а ведь ты была рядом.

Но, сильная, ты на новый виток
швырнёшь в бестолковость людского страданья
и, если ты душ человеческих знаток,
ты точно ли знаешь, что хватит дыханья
мне из виду факел твой не потерять?

Мне из виду факел твой не потерять...
не раз я его на дорогах теряла,
и снова как чудо его обретала,
ведь ты была рядом, — рукою подать.

* * *

К. Р.

Печали наши в столбик умножая,
Фортуна нам не посулит удачи, —
она-то знает, где-то есть живая
душа на свете, пусть она поплачет.

Чего нам надо, знать бы, — совершенства?
Свободы полной выдоха и вдоха?
Над головой свободы и блаженства
звезда мерцает с видимым подвохом.

Какая жажда власть берёт над нами,
какая в кровь надежда проникает?
Мы мчимся, почему не зная сами,
куда нас гонит, страсть сечёт какая.

* * *

Если ты уцелеешь в отчаянной драке с собою,
если после проклятий на весь человеческий род,
если жалкий, как мокрая кошка, добытый судьбою,
с четверенек поднимешься, — вот он я, Господи, вот!
ты не бросишься больше на волка, — тебе он не равен,
и с болтунами в запальчивый спор не войдёшь.
Эти игры с когтями, эти кукиши в драном кармане...
Им цена — грош.

Но однажды ты лютик сорвёшь и к его серединке
так приникнешь губами, как дай тебе боже понять,
что ты так же любим, как тобою вот эта соринка...
Видно, было сердешному, было за что пострадать.

* * *

Я увидела тебя издали
через крыши, через судьбы, через близко ли.
Нам сказать друг другу нечего, — светимся,
бог поможет, случай даст, — встретимся.

Нам не слушать пересудов и речей ничьих,
нам кормить сердцами вволю наших птиц ночных,
от плеча к плечу по светлой бессоннице
до скончанья им летать, беззаконницам.

* * *

Я вас, душа моя, люблю,
брожу по городу бесцельно.
Исход зимы застыл в безделье,
всё надоело февралю.

Весна внезапная взорвёт
пространство галочьими криками,
мы примем шествие великое
деревьев, облаков и вод.

И наконец, добро и зло
сойдутся в равном поединке,
вдруг смотришь, на реке — ни льдинки...
Как всё легко произошло!

* * *

Дуб мой, Дуб, не остави меня! —
ты один из далёкого времени
шлѐшь мне письма в конвертах, заклеенных
кровью прадеда. Мир прислоня

к четвертушке блокнотной бумаги,
к метроному бегущей строки,
шевелишь во мне слово корягой
протянувшейся к сердцу руки.

Свет ушедших ещё не померк,
как же сгннуть тому, что бессмертно!
Возжигает ярило поверх
душ истерзанных дней фейерверки.

Слёз не надо. Лимит на постой
электронное время укажет,
и тогда покровитель лесной
из чащобы мне веткой помашет.

ПРОГУЛКА

К. Р.

Мне не забыть прогулку с вами
по Чистопрудному бульвару,
нам деревья стихи слагали
о неизбежности любви,

о том молчанье в полный голос,
когда, лишённый слова, логос
внимал дыханию земли.
Минуты мимо нас текли.

* * *

На стол ваш писательский — помните? — падал подранок.
Пичужка, бедняжка, кого он хотел удивить!
Сбежали герои из серых издательских гранок,
а птичкина кровь пролилась на сюжетную нить.

Так вот, говорят, будто кровь — неплохая примета,
вас ждёт небывалый успех, не бросайте перо!
И в моём декабре начинается первое лето,
я пытаюсь летать, но всё ещё ноет крыло.

* * *

Страницы, имена, портреты,
талант, признание, успех...
Мои любимые поэты —
осенний дождь и мокрый снег.

* * *

К. Р.

Произнести: «люблю тебя»
несовременно и неловко,
кричит ли мышь из мышеловки:
«хозяин, отпусти меня!»

Друг мой, с тобой дано мне только
пить крепкий чай из пиалы
да прошептать: «снега́ белы
на полотне твоём», и колко,
совсем уж на пол обронить
самоиронии осколки.

* * *

Когда-нибудь останусь в ком-нибудь
каким-нибудь скупым воспоминаньем
о праздности моей, о невниманье
к суетам повседневным. Чем-нибудь.

Меня запомнят стены и окно
да книжный шкаф, забитый до отказа
чужими жизнями, проведенными со мной
так много лет, не изменив ни разу.

* * *

О чём мы с вами говорим? —
творим бессвязные узоры
из слов и пауз. Беспризорен
и лёгок парус разговора,
полузначений в полутьме
и бог весть, что там на уме.

Мы говорим и говорим
о чудесах, о сновиденьях,
о добрых в жизни переменах,
и звук от нас неотделим.

Слова, как давние друзья,
на перекрёстках расставались,
и стало быть, совсем не зря
одни лишь паузы остались.

* * *

Обнимемся перед дорогой,
расстанемся на перекрёстке,
судьба, дарованная богом,
нам оказалась не по росту.

Мы родом из уединенья,
мы слуги каждодневной грусти,
нам быть рабами вдохновенья,
но не заложниками чувства.

* * *

Как яблоко готовое упасть,
чтоб ветка разогнула спину,
я от себя освобождаю вас
во имя духа и отца, и сына.

На то и спелый август, чтоб плоды
на землю падали с тяжёлых веток.
Я подарю вам слов прощальных свиток
и грустный взгляд из сада доброты.

* * *

В. Г.

Ну, как тебе живётся с расхристанной душой,
с безбашенной свободой, свободою-левшой?
Не для тебя, счастливчика, в любви не новичка,
вихрастого, зубастого, удел середнячка.

Никто тебе на свете, на этом не родня,
сварганенному наспех из ветра и огня.

* * *

Отложи Еврипида,
уж слишком он трагик, и древен не в меру,
и грек он с избытком.

Позволь старику возлежать в библиотечном тепле.
Отложи Еврипида. Хотя бы попытку
сделай в подарок живородящей земле.

Ох, как натужно несём мы с тобою долгов
ежедневное бремя,
жизни тугие мешки, друг от друга скрывая слезу.
В таком настроенье, пусть даже на самое краткое время,
нельзя оставлять ни растенье, ни зверя в лесу.
Отложи Еврипида.

* * *

Невесёлые мысли
в гнезде моих дум поселились.

Невесомая грусть
тонким клювом, —
как дятел,
как дятел.

Чувства лучшие в левом боку
не надо клевать бы, приятель.

Невесёлые мысли
в гнезде моих дум загостились.

* * *

Из того, что кажется страшным,
всё можно одолеть.

Сенека

Не учат ни Кант, ни Сенека,
ни злая наука жить
ожоги от человека
словно простуду лечить.

Распахнуты окна для боли,
входи, я тебя воспою
глаголом земного бездоля,
увы, мы живём не в раю.

* * *

И. М.

Не будем соперничать, мой темноглазый философ!
А послушать бы сказку, где злобная Баба Яга,
не открывая законов и вечных не ставя вопросов,
доброе дело свершит, и Ивана спасёт, дурака.

Мы свободны, пожалуй, лишь в выборе способа смерти,
мы хмелеем от счастья, но быстро проходит любовь.
Мудрость пусть не спешит, хоть она и сестра милосердия,
пусть душу живую пронзают и радость, и боль.

Нас еще разжуют холодные челюсти сфинкса,
уже перевозят последних людей через Стикс.
А вдруг и родится в стеклянном каком-нибудь биксе
цивилизация с цепким названием «Икс»!

Так помашем друг другу прощальной веткой сирени.
— А где мы dospорим? — А кто его знает, где.
Я знак вам пошлю неначатым стихотвореньем,
и вы меня спросите: «Было ли племя людей?»

* * *

Ироничный мой друг!
Всё труднее шутить и смеяться,
всё больней и любимее жизнь,
всё нежнее цветка естество,
всё темнее тот жук, что по стеблю всё выше взбирается,
а уж там, на вершине — благоденствие и торжество.

Ну а мне не сломать бы распластанной парочки крыльев,
хорошо бы и время забыть,
и в кормушку накрошенный хлеб.
Ах, Свобода-свобода! Это ты ли так бьёшься в стропилах
человеческих зданий, не вмещаешь в прожилках судеб?

Каждый видел, как рыба пронзает намокшие сети,
нам известна работа растений, — она не «во имя», не «для».
И сползают снега под источником сильного света,
и без страха за жизнь обнажается в марте земля.

И гружёная баржа по руслу реки полноводной,
не зная пути, будто ялик, легонько идёт.
В этой жизни свободен лишь тот, кто подобен природе,
в этой жизни красив только тот, кто свободным живёт.

* * *

С. К.

Предчувствие меня не обмануло,
прильнуло счастье бережным касаньем,
на волосы, как на свечу, дохнуло
и стаяло свободным угасаньем.

Я знаю вас, любовные повадки, —
не первый день живу на белом свете, —
разгадывать сюжетные загадки,
распутывать ласкающие сети...
скучны мне были все уловки эти.

Да и не мне быть королевой бала,
не мне моделью быть у живописца,
мне память издалёка указала
надёжнее приёмы, чтоб продлиться, —
в магических просторах вдохновенья,
и там, ей-богу, мне никто не нужен.
Спасибо вам за шёлк расположенья,
мне всё равно, чьим станете вы мужем.

* * *

Что видишь ты из своего угла,
поставив локти на квадрат стола?
Достанет ли той зоркости зрачка,
чтоб не поддаться чарам игрока,
той изворотливости зрелого лжеца,
напялившего маску мудреца?

Как часто нас оманывает он,
владеющий и словом, и пером.

* * *

*Памяти университетской
преподавательницы философии
А. И. Фортовой по прозвищу «Кассандра»*

Разговор был возвышен и нетороплив...
То ли косточки вишен, то ли косточки слив
извлекая из них, чтоб варенье варить,
мы могли б за Всевышнего мир пересотворить.

О, Кассандра! О, — в фартуке!
Как пророчили вы крах совдеповской Трои,
ложкой жестикулируя.

А варенье впадало в цвет запёкшейся крови...
Я внимала вам кротко и нисколько не верила.

ХУДОЖНИК И МОДЕЛЬ

Белая роза на длинном стебле в напольной вазе
угол твоей мастерской собой занимала,
дева из воздуха, пены морской, она ни разу
не шевельнувшись, перед тобой стояла.

Ты рисовал её углем, гуашью, тушью,
каждый её лепесток обводил глазами.
Белая роза была тебе так послушна,
как богомолка в мольбе перед образами.

ХУДОЖНИК ЛЮСЬЕН ДУЛЬФАН

Заправский гений в небесах
что хочет, то творит, —
то гонит ветром паруса,
то пёрышком парит.
То изразбойничавшись в свист,
вонзается в небесный лист
всей сажей — в бирюзу,
чтоб был раздор, чтоб был мятеж,
чтоб прочертить границу меж
собой, творящим на весу,
и всем, что там внизу.

А к вечеру наш труженик распластывает крылья
от полного могущества до полного бессилья.

ТУЛУЗ-ЛОТРЕК

Вот я, певец поры ночной,
урод с отвислыми губами,
я перед вами, перед вами,
а вы, pardon, передо мной.

Я карлик, но — Тулуз-Лотрек,
я нелюбим, но я любимец
собак, борделей, шатких улиц,
я карлик, но — Тулуз-Лотрек.

В том дансинге, где красота
бьёт из разбуженных бутылок,
меня красоточка одна
смutilа, и её затылок.

Ты не жалея меня, — я весел,
светла-светла моя палитра,
давай-ка выпьем этой смеси
ещё пол-литра.

Беспривязный жуир беспечный,
я покажу тебе добрейших девочек.
А может ты, с кого Мане писал Олимпию?
Она ещё вполне ...
Выпьем!

...А в мастерской
есть у меня высокий табурет.
Когда вскарабкиваюсь на него,
мне равных нет.

* * *

Ж.Л.

Мне поведал один художник,
ненормальный, а они — все...
что он деревом был, и боженька
выдавал ему листья к весне.

Я подумала — «что ж такого!
ну, был деревом, был и всё!»
И почуяла в нём родного,
и услышала своего.

НАД ГОРОДОМ

Неужели уже отлетала та пара над Витебском,
та влюблённая пара в лиловом уже отлетала?
Святой боженька в нежном усердии небо им выласкал —
для любви нестерпимой им места внизу не хватало.

И летели они, в забытьи бесконечно счастливые,
о телах не сказать, ну да впрочем, оставим тела, —
как на первый мой взгляд, их греха сердцевина — невинная,
и на взгляд мой второй — она тоже невинной была.

А под ними — домишки, и хедер, и старая Руфа,
в сизой перхоти Гершке выводит козу выпасать.
Бог ты мой, где Париж, а где та ещё руфина рухлядь...
...Улетают влюбленные брошенный дом вспоминать.

* * *

Художник молится на холст,
один, как перст перед вселенной,
в бесчисленном скопленье звёзд
одной не видно, сокровенной.

Художник молится на холст,
а холст к себе не подпускает,
сиена, охра, купорос
и кадмий красный отдыхают.

Блуждает замысел благой
вокруг да около палитры,
живая плоть из ничего
появится в конце молитвы.

* * *

Будут трудные дни. Косматые движутся тучи,
душа не находит дорогу, часов зодиак
царапает воздух, секунды считая поштучно,
и в окна запаян луны потемневший пятак.

Иди в мастерскую! Тебе заждались подмастерья, —
подтаявший снег с подмалёвкой развязной весны,
павлин над палитрой в бумажных загнутых перьях
и полная банка белил. Да не будут грязны

полотна твои, живописец! Всею массою, всею
внезапного замысла серую землю залей!
Иди же, иди! Поверь в резкий воздух весенний
и в небеса перламутровых мартовских дней.

МОЛЬБЕРТ

И без холста одушевлён мольберт,
он сам — произведение искусства,
он — дух, он — самодержец, он — предчувствие,
он — бог, он — землепашец, он — поэт.

Когда он холст в объятия заключает,
он никого вокруг не замечает,
и преданно художнику служа,
творит с ним вместе, как одна душа.

* * *

Он — загадочный тип, он — другой, и живёт он везде,
удивляющий и удивлённый, собой упоенный.
Застигнутый миром, простой небожитель бессонный,
какие-то знаки выводит на чистом листе.

Должник и заложник своей безотвязной судьбы,
покорно ступает сквозь мрак, но не на четвереньках,
неся сокровенную ношу. Устав от ходьбы,
плечо разомнёт, и снова пойдёт помаленьку.

Если кто-нибудь жив ещё, где вы? Не слышу. Ау!
Чем так заняты ваши такие бессмертные души?
Ан, нехитрое дело — смахнуть равнодушно золу
в колумбарную ямку, несуетных слов не дослушав.

И всё ж он коснётся воображаемой лютни,
пять струн драгоценных любовно приладив к окну:
— Ну, что вы там, как вы там? Чем вы там заняты в будни?
— Рассеянный гость, интересен ты мало кому!

— Ах, я догадался! Вы — люди, ах, я догадался ...
Я с неба упал, я бездельник... я так... музыкант...
Как долго, как тупо у ваших домов я топтался
и в окна швырял, мне дарованный небом, талант!

Любите же свой понедельник! И тот, кто догадлив,
тот понял уже — понедельника не переждать,
но я буду петь вам, я должен излиться до капли
я должен добраться до сердца и доколдовать!

* * *

Осень ходит следом за поэтом
и зимой, и летом, и весной.
Пой, поэт, судьбой, дыханьем, светом,
про печали, про любви пой.

Пой, поэт! Сама природа хочет
быть воспетой голосом твоим,
надыши невыдуманных строчек
каждому, сумерничая с ним.

* * *

Морока, ей-же богу, с нами,
ерошливый мы есть народ,
чего творим, не знаем сами,
зачем и знать, коль с небесами
обмениваясь адресами,
обходимся мы без хлопот.

Живём везде — и там и тут,
где нас не очень-то и ждут.

Не пашем в поле, и не сеем,
гудим до самого утра,
на мир внимательно глазеем
и пишем разные слова.

Дерзим в сердцах, не зная брода, —
такая, ёшкин кот, порода.

* * *

клавиатурой вперёд
вынесли белый рояль...

белый рояль...
белый рояль...
белый рояль...

* * *

Только б музыка не умолкала,
только слову бы не остывать,
только б душу мою не сковала
ледяного покоя печать.

За холмом не стихает морское,
бесконечное рондо волны...
Что тебе до меня, восковое,
затвердевшее дно тишины!

* * *

Сыграй, приятель, что-нибудь! —
был день сегодня сумасшедший,
был ветер, в комнату влетевший
весь дом вверх дном перевернуть.

Сыграй!
Пространство дрогнет тонко,
как веки спящего ребёнка,
придёт высокая трава
услышать душу человечью.

И мы отправимся далече
в магически незримый путь...
Сыграй, приятель,
что-нибудь!

КОМПОЗИЦИЯ ЭРИКА САТИ

По клавиатуре тонкий палец
ходил рассеянно, как иностранец.

Задумчивости, протяжённый во времени,
дрожащий звук
искал гармонию покоя за кругом путаницы дня.

* * *

С ногами в кресло заберусь,
заботы подождут,
мой патефон озвучит пусть
шопеновский этюд.

Входите, сумерки, — ваш час,
ваш Фридерик Шопен
грустя наигрывает вас
и зазывает в плен.

Его магическая весть
в душе оставит след
того, чего на свете нет,
но всей судьбою есть.

* * *

У Золотых ворот, у старого фонтана,
где вечера картинно угасают,
сидят задумчивые кофеманы,
над ними тент в полоску нависает.

За ними дом, в котором жил Вертинский,
там жёлтый ангел таял без следа,
и может быть, там пьёт шотландский виски,
дай бог удачи, новая звезда.

* * *

Музыка! — и замолкает поэт,
оскорблённых метафор сгребая сгоревшие листья.
Нет, поэт не завистлив, поэт
вдогонку бросается за музыкантом, артистом.

Музыкант запрокидывал голову так,
будто носом шла кровь,
а под чёрным крылом инструмента
молоточки считали — momento-momento-momento...
стекали сквозь струны — momento-momento-момент...

Я люблю Вас, тебя я люблю, я люблю Вас,
стаи птиц воспаряют всё выше, всё выше, всё вы...
Выходи на поклон, больное дитя комплимента!
Ты вышел оттуда, где только что грезили мы.

* * *

Погаснет свет. И в зале тишина
достигнет высшей точки напряженья,
и дирижёр поднимет палочку над миром,
и хлынет то, чего не может быть.

Как скатерть, сдёрнутая со стола,
земное перестанет быть основой, —
неоспоримой, прочной, обозримой, —
насильно втиснутой в каморку без окон.

Греми оркестр, накатывая слезу,
рождай невидимое из надмирной сферы,
преображай и гневом, и любовью
нас, несмышлёных. Мы — твои, твои.

* * *

О, Джаз! Могучий поджигатель крови,
непревзойдённый заклинатель змей,
искусный мастер сочных сквернословий,
гонитель скуки и монастырей!

О. как ты люб, жуир и вольнодумец,
таким как ты, сорвавшимся с цепей,
любимцам неба, площадей и улиц,
не признающим власть календарей.

О. Джаз...

* * *

Я люблю эти сполохи непостижимых чудес,
исполинские формы люблю неохватной земли,
я люблю этот медленный ход облаков, эту чашу небес
и заплаты теней, что в ногах у дерев залегли.

Жаркий выплеск цветов на луга заливные люблю,
тёмный говор нутра грозовых словарей я люблю,
я люблю крестовидные яти в метёлках берёз,
тишину за деревней и старый заросший погост.

Никогда не забыть мне закатного солнца печать,
тех сараев убогих, что тычутся в жилы заката.
Научиться бы только прощать, и прощать, и прощать
эту дикую, русскую, звёздную спесь и загадку.

* * *

Снова мне приснился Киев фундуклеевской округи,
где дома и горожане телом и душой слились,
где ласкающее солнце входит в каждого без стука,
согревая тёплым светом столь обыденную жизнь.

Я ещё не надышалась, я ещё не насмотрелась,
не наслушалась фонтанов и весенних ветерков,
и цветущие каштаны никуда ещё не делись,
не забыть мне и соборов, и собак без поводков.

Киев-Киев, град и город, мы с тобой так славно жили,
из одних стаканов пили и дышали в унисон.
Где теперь Наташи, Саши, с кем мы с юности дружили?..
Разбрелись по белу свету, не найдёшь и адресов.

* * *

Дом смотрит мне в глаза.
Семь тысяч вёрст меж нами.

* * *

Тумана кисея с утра накрыла море,
прохлада обняла его со всех сторон.
Бакланы на камнях между собою споря,
напоминают киевских ворон.

Легко ли было расставаться с вами,
родные стены Золотых ворот!
Ни встречами, ни письмами, ни снами —
никто мне город детства не вернёт.

* * *

В кущах Днепровских деревья сплелись,
вцепились друг в друга, будто над пропастью,
страхом сковало зелёную жизнь
полностью.

Ангел сноровисто небо в рулон
сворачивал перед кровавым закатом.
Под колокольный, божественный звон
идут, и идут, и идут брат на брата.

ЧЕРТОПОЛОХ

На улочках кривых Подола
ещё растёт чертополох,
и если всматриваться долго,
он станет несколько похож
на монастырские верхушки.

Здесь Ольга хаживала. Игорь
гулял и вдоль и поперёк.
На хólме — княжеский чертог,
внизу — мастеровых избушки.

Здесь Пётр ходил, ходил-молчал,
трав никаких не замечал.

Не к слову, здесь бродил и Врубель, —
на шею повязав чулок,
он пристальной смотрел, чем мог,
на сбрендивший чертополох.

На улочках крутых и потных
носила армия голодных,
и падали в чертополох
оружья марок чужеродных...

Немел Турбин, немел и глох,
чертополох-чертополох...
Давай, приятель, отдохнём,
в руках чертополох помнём.

ПЕСНЯ СКОМОРОХА

Что творится в теремах!
Что на улицах творится!
Князь Владимир Святославич
повелел креститься.

Суматошно стало, суматошно,
кому весело, а кому тошно,
слёзы-слёзы, ай-люли, потекли,
киевляне, где стояли, там легли.

Там где идолы стояли, истуканчики,
чики-рики, чики-рики, будут мальчики
церковь белую класть, Византию клясть.

Что творится в теремах — ах!
Что на улицах творится — убиться!
Говорят-говорят, будем грамоте учиться.

Ай да вятичи, ай да радимичи,
покоритесь-покоритесь,
князю в ноги поклонитесь,
а потом, а потом будет суп с котом.

Колокольчики-бубенчики звенят,
князь Владимир скомороха извинят,
скомороха извинят и ради Бога не казнят.

* * *

На реке на Лыбеди вечереет,
на реке на Лыбеди закат жесток,
на реке на Лыбеди печенег, —
стрелы — в колчаны,
брагу — в горло,
себя — в комок.

На реке на Лыбеди — ярость в ярость,
на реке на Лыбеди — в дым! — храбрость,
на реке на Лыбеди все покамест, —
завтра полягут,
завтра полягут,
крест-накрест.

Что, печенег? — ноги вразброс?
Жизнь прожил?
В глине чужой с вечною тьмой
мягко ли ложе?

* * *

Старейшины, родоначальники,
священники без прихожан,
людского племени печальники,
бесценных кладов сторожа!

Вам вечно оставаться древними,
что означает — вечно быть,
и в безрассудном нашем времени
с уставшим Богом говорить.

* * *

Стало тихо. Шторма отгудели.
Пустота. Немота. Покой.
Белый парусник, белый-белый
с серебристой слился водой.

По безлюдному берегу чайка
отрешённая, бродит одна,
её зыбких следов отпечатки
равнодушно смывает волна.

* * *

Колокола заплакали-запели,
протяжное молчание дорог
вздрагнуло.

На перекрёстке —
не то юродивый,
не то святой,
не то слепой,
не то философ
стоял один и управлял ветрами.

Он то снимал, то надевал свой нимб,
усталый лоб фуляром утирая.

Перед ажурными воротами рая
смоковница склонилась перед ним,
таким одним.

* * *

Ж.Л.

Под вечер пришёл ко мне друг и сказал,
что он одинок, как хромая собака,
что женщины — стервы, мужчины — как бабы,
и вдохновение бог отобрал.

— Да вон твой корабль!
— Ну плывет и плывёт.
— Стихи почитать?
— Ради бога, не надо.
— Пройдёт, — утешаю, как младшего брата
и чай наливаю. Он чаю не пьёт.

Хандра прихандрила Хандрова Хандрилу,
Хандрила хандровые хандры хандрит.
Поменьше ходи в хандропарки, Хандрила,
там воздуха нет, там душа не парит.

* * *

Из бездны, из «там», из «не ведаю», из ничего
внезапное выпадет слово на совесть бумаги,
из лихорадки ума, суеты речевой
заваривать тёмную густо-зелёную брагу

тоски и восторга, падения и высоты,
ночного вороньего крика, дождя и туманов,
задворок заблудшей души, кружевной красоты,
карающей правды и сладкозвучных обманов.

Тревожного помысла лёгшие в строчку слова
свершат наконец над поймавшимся грешное дело,
а наш беззаконник, маэстро, знаток колдовства,
и сам захмелеет от своего виноделья.

* * *

От суеты ума, от слов уйти и знаков
в бездонные «ничто» и «никуда»,
в глубины бесконечного «не знаю»,
в свободу безграничного «всегда».

Я не вернусь к словам,
мне словом будет тополь,
струенье воздуха, днепровская волна,
и разрастётся над бескрайним полем
непостижимых истин простота.

* * *

Последняя баржа ушла за излучину. Всё.
Закат бьёт в глаза, вода полирует причалы...
Негаданный случай, судьбы моей сорежиссёр,
столкнул меня здесь с одним человеком печальным.

«Не там и не с теми живу я, — вот так он сказал, —
на многих вокзалах я перебивал, и со многих
перронов, в какие бы стороны света я ни уезжал,
всегда возвращался один я к пустому порогу».

И стал на обочине дней я родниться с травой,
рассматривать путь муравья в непролазной чащобе,
и вот уж кому никогда не бывать сиротой...
— Что скажете вы на моё наблюденье?
— Ещё бы!

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В глаза недремлющей судьбы
смотрю и вижу в них такое
состояние покоя,
напряжённой немоты,
непреложной правоты,
отражённого «я знаю то,
чего не знаешь ты».

* * *

Талант останавливать время даётся не всем,
он падает с веточки в незащищённое темечко,
и с тем, кому выпал он, ох, что случается с тем,
ох, что заводится у бедолаги под венчиком!

И вот он забыл уже, кто он, зачем, и куда,
и что надо множить на два, чтобы вышло четыре,
и сколько б ему ни твердили, что лучше — на два,
он взглядом покажет, что тут он темнее цифири.

Чем дальше, тем больше, — ну, право же, я не лгала, —
он шепчется с кем-то незримым, никак с барабашкой.
Себя берегите! И если в порядке дела,
советую вам, постучите-ка об деревяшку.

И что ему скажешь! — он смотрит куда-то в траву,
там божья коровка сто лет уже как восходила
к вершине высокого стебля, и тут бы кончаться всему,
но божья коровка с ним первая заговорила.

И он ей ответил. Она расколола крыла,
два чёрненьких пёрышка тоненьких высветив снизу.
Она возлетала, парила, висела, плыла,
а он ей рассказывал что-то из собственной жизни.

БРАТУ

Никогда не забуду ночных разговоров о радости жизни,
о счастье, которого нет, о свободе безумных людей,
о возрождении духа, о дороговизне
помыслов добрых, истин простых и непреходящих идей.

Нас — раз-два и обчёлся. О нас шутовские звоночки
с разных сторон бесцеремонно звенят:
«Человечество занято! Не до лиры теперь, Одиночки!
Одуванчики ваши красивы, но с чем их едят!»

Наши волосы, брат, ворошит электрический ветер,
музы в жёстких спецовках по митингам разошлись.
Было много веков, и всего уже было на свете.

— Что сегодня в газете?

— Обсуждается право на жизнь.

САНЧО ПАНСА — ДУЛЬСИНЕЕ

Санчо Панса — кто бы мог подумать! —
патетично поднимает пять,
Санчо Панса — Дульсинея: «Спать
не ходи с погонщиками мулов!

Дульсинея! Шлюха из Тобоссо!
Мой хозяин спятил, ну и что ж!
Ты его чудного благородства,
женщина конюшен, не поймёшь.

Не поймёшь высокого блаженства
быть кристально чистым среди вас.
Не смешон идалго, он божествен,
ничего, что вместо шлема — таз.

Свист и улюлюканье, и хохот,
пьяных мужиков утробный храп
могут всё, но никогда не смогут
разорить любви святейший храм.

...Мы уедем на рассвете, женщина.
Дон-Кихот... ну, что мне делать с ним! —
будет бредить нараспев торжественно
выдуманным именем твоим».

ЗА КУЛИСАМИ

И снова твой выход. Ты больше не в силах,
стоишь в костюмерной в одежде чужой.
Эпохи теснятся в натруженных жилах,
ты сдашь реквизит, да и пусть — кто другой.

Ты стар. Поправляешь парик торопливо.
— Корону?
— Не надо!
Ты — Лир!
Ты — Король!

...Усталость на троне,
взор сиротливый,
сплохи ада,
чёрная боль.

* * *

Вот Оперный театр. В нём жилы напряглись
влюблённых донельзя жантильных кавалеров.
Я часто здесь брожу и всё беру на веру
до встречи лобовой с тобой, земная жизнь.

Неукротима речь крутой житейской правды,
каменьями невзгод мои избиты дни.
Артисты у зеркал в светящихся нарядах
смывают грим со щёк, чтоб снова стать людьми.

* * *

Там висели гардины с изображением принцесс,
там гордыня моя состязалась с моим простодушьем,
там разбитый рояль и продавленная раскладушка
сопровождали интеллектуальный процесс.

Там споры клубились:

«Ваш Гамлет — пижон, диссидент,
и мать свою мучил совсем, доложу, не по делу.
В апостолах правды, любви и добра не ходил он,
безумный субъект, да к тому же еще дармоед».

Я давно не хожу в этот дом, там не Гамлет убит, —
там сердца разбивались мгновенно, легко и приятно.
Там новогодних шампанских настенные пятна
закрасил ребёнок в какие-то пару минут.

* * *

О, как мы плутали с тобой по замшелому лесу!
Прогнившие пни и земля в порыжевших иголках,
и старые выползли корни из преисподней
рассказывать, что они видели там, под землёй.

Что ли зверь бы какой появился бы из-за спины, —
хоть как-то дышите, родимая наша Природа!
Нигде ни души, только сосны, молчащие сосны,
спросить что ль дорогу у бога или лопуха?

Ну, хватит кошмаров, — мы вышли к тебе, наконец,
бревенчатый, с ясными окнами дом без забора,
и в нём были люди. Он — шёл на работу в колхоз,
она — телогрейку ему зашивала в дорогу.

ОДИНОЧЕСТВО

I

Жить, как все.
Мечтать о сбыточном.
В облаках не увязать.
Не ходить в притырочных,
а шить или вязать.

Хватит тебе, мать, змей заклинать,
хватит факирничать,
время приказывает начать
что отвинтилось, привинчивать.

Нет до тебя дела никому,
давние приятели
ту любовь к тебе, что была на кону,
обратно в карманы попрятали.

II

Не трогай меня, одиночество!
Похлипче себе найди.
Пойди по пивным попорочествуй,
по богадельням, пойдди.

Сколько дорог во все стороны!
Сколько дорог впереди!
Скучно с тобой и холодно.
Прощай! Мне надо идти.

* * *

За ночь расчистилось небо над городом,
липы, надев золотые короны,
не шевелятся. Под царственным пологом
тьень разливается в разные стороны.

Из ничего зажигается жизнь,
на перекрёстке секунды и вечности
силы небесные сопряглись,
формы меняя до бесконечности.

Веером солнце бросает лучи,
овладевая просторами лета,
мощным напором полдневного света
об человека ломает ключи.

* * *

В неделю зимних проводов
стал ярче краснотал,
мой Март, дрожа от холода,
мартёнышем стоял.

И гнался ветер дебрями
за кем, не знал он сам,
и гнулись ветки дерева
и кланялись ветрам.

Всю ночь не спал весны трубач,
никто в ту ночь не спал,
и сил набравшись, полночь
мартёныш Мартом стал.

* * *

Как мощно, однако же, начато,
и день громогласный какой! —
работает живо и смачно,
открыто и всей пятернёй.

Горланит пернатое воинство,
чего оно просит, чего!
теряя остатки достоинства
в несдержанности речевой.

Ах, вёсен крылатые росчерки! —
пора бы привыкнуть, пора,
душа воспаряет над рощами,
ни пуха тебе, ни пера!

В НЕПОГОДУ

Не сетуй на ненастье,
люби его, люби,
дня своего напрасно,
скукожься, не проспи.

Растрёпанные липы
запричитали вслух,
их жалобные всхлипы
слышны от оплеух

разнузданного ветра
и хлёсткого дождя.
Живая жизнь — вся в этой
всклокоченности дня.

* * *

Никогда не была я в Париже,
никогда не увижу Варшавы,
да и в Рим, как я точно предвижу,
ни одна из дорог не ведёт.

Я живу в небольшой деревеньке,
за окном старый тополь шершавый,
на крыльце, на подгнившей ступеньке —
неподвижный, копилочный кот.

Милый кот, старосветский помещик,
как тебе объяснить эти вещи...
Что Варшава! — вселенная рядом,
даже ближе Бердичева, кот!

Даже ближе садовой ограды...
Что ты смотришь копилочным взглядом?
Ничего ты, балда, не поймёшь,
видно, так, неучёным помрёшь.

* * *

Дикая мята на берегу ...
Скрипы двухвёсельной лодки...
Нас разлучат.

* * *

Не найду на полке Фроста,
он мне нужен позарез, —
Фрост расцвечивает воздух
и раскачивает лес.

Я пойду к нему на ранчо,
и в поля — снопы вязать,
и в хлеву телёнка нянчить,
и быку бока чесать.

* * *

Защёлкал перепел, коней ведут в ночное,
залают псы, сгущая темноту,
калитка хлопнет, загудит печное
звукopodobье ветра. Поутру

погаснет в небе смуглая луна,
ты из дому по лестнице скрипучей
сойдёшь, невидимая, в сад. Ты здесь одна.
Уединение всему тебя научит.

* * *

Привет!
Давай поговорим
о чём-нибудь ужасно умном —
о мифологии,
о гуннах,
о готике поговорим.

Легко потягивая Рислинг,
пройдёмся по торцам судеб
Вийона, Кьеркегора, Рильке,
и будем нравиться себе.

КОНЬ

Он столько лет преследует меня,
я снова вижу, снова его вижу,
отчаянного, бешеного, рыжего,
бегущего, бог весть куда, коня.

Я снова вижу, — горизонт натянут, как тетива,
трава переплелась с моим воспоминаньем
и до сих пор доносит тот запах конской шерсти.

За кем он мчался, конь, что было мочи?
Закат хотел догнать? Боялся ночи?
Он рыжей гривой обжигал траву
и ржаньем будоражил синеву.

Когда-нибудь, найдя его подкову
в затоптанной копытами траве,
я долго сомневаться буду в том,
на счастье ли она досталась мне.

* * *

Так долго душа молчала,
томилась, ленилась, спала,
на оклики не отвечала,
боялась пера и стола.

Зима называлась зимою,
пространство — колодцем двора.
Учиться зимою земному,
житейскому, чем не пора!

Не мыслить, а думать простое,
рукой не касаясь чела,
весна и наступит весною,
не зная ни дня, ни числа.

И радость придёт ниоткуда,
внезапная, ни от чего,
не от ожидания чуда,
а из бытия самого.

* * *

Всё пройдёт. Заживёт. Забудется.
Всё излечит медленная река,
каждодневное восхождение солнца
за облака.

А тоска со мною наместя, —
ободравши себя до крови,
в сельский клуб убежит на танцы
и объявит кино о любви.

* * *

Мне хорошо и одиноко.
Наодионочествуюсь всласть,
открою Александра Блока,
чтоб в бездну времени упасть.

Той девочке в церковном хоре
сто лет уже за шестьдесят.
— Ну что, родная, что там в море?
— Нет никому пути назад.

На берег Финского залива
приходит странный человек —
цилиндр и трость, и номер «Нивы»,
и за море ушедший век.

* * *

Зазеленело старое дерево,
старое дерево хочет весны.
Старый мой друг, всё ещё не потеряны
старые радости, старые сны.

Мне написал один старый приятель, —
семьдесят лет ему в этом году —
«всё что скопил я и всё, что истратил,
мне пригодится в раю иль в аду.

Смерти, голубчик, не надо бояться,
в страхе выходят глупцы из игры.
Играть, это значит — в конце доиграться,
умные люди меняют миры».

* * *

И чахлый огонёк подаст издалека
мне верный знак, что где-то здесь — дорога.
Ещё не близко, но наверняка
за буераками, у ивняка,
за полем вспаханным, за мельницей у лога,
за глинищем, за прошлогодним стогом,
ещё чуть-чуть — и вот она видна,
тропинка к дому в тусклых два окна,
откуда свет полуживой исходит
в бродяжью ночь, в ночные облака,
что по земле со мною рядом бродят.

* * *

Он вернётся, не плачь,
к разорённому дому вернётся.
Возвращается ночью к зарубленной жертве палач.
Как размыты пути...
Во плоти беглый «ангел» вернётся,
как «Прощальную» Гайдна,
слушать детский стихающий плач.

Ждать? Ну, нет!
То ли дело прощаться навеки,
сколько музыки непостоянства
в бермудских глубинах любви!

Странствуй, вольная, странствуй,
сколько станет любви и пространства,
а те корабли, что ушли,
всё равно они только твои.

* * *

У лесного ручья — папоротник да мох,
пни, буераки, кустарники вкривь и вкось.
Время застряло между коряг, — в трёх
соснах плутает, и птицы летают врозь.

Неподалёку сопит лесовик, старик,
шерстью обросший от головы до ног,
надо идти сквозь темень и страх напрямик,
мой ангел-хранитель сюда добрести не смог.

ТЕНЬ

...приходит Тень мечтать о небывалом.

Поль Валери

Я помню каждое движенье этой тени,
оставленной на улице хозяином,
она была, как грустное животное, —
зачем она ему такая тень?

А тень, убогая, бросалась в ноги,
меняла шаг, и не могла исчезнуть.

Хозяин сострадал, из окон глядя,
и сигарету в пальцах разминал.

* * *

Ночь на даче —
тени, тайны,
пожелтевшая трава
возле дома на Песчаной,
на окраине села.

Ночь на даче —
скрип деревьев,
жабий стрёкот на прудах,
за террасой привиденья
ночь проводят на ногах.

Сов ночные переклички,
тут как тут и домовой.
...Свист далёкой электрички
рассекает мрак ночной.

* * *

Парусник, медленный парусник —
ангелом белым вдали.
Как ты далёк, парусник,
от каменоломен земли.

Тихо идешь мимо времени
по серебристым волнам...
Медленней парусник, медленней,
дня моего талисман.

ПЕРЕД ШТОРМОМ

Холм ошетинился под воспалённым солнцем,
вот-вот поднимется на задние конечности,
хребет его дрожит, и огненные кольца
ложатся на бока печатью вечности.

А за спиной встающего холма
вздыхает, ухает, бунт затевает море.
О, море, море! — сила без руля,
клокочущий оркестр без дирижёра.

* * *

*Гуцульской поэтессе Параскеве Горицвит,
проведшей 10 лет в сталинских лагерях.*

Прекрасна — ещё бы! — прекрасна земля,
но давайте — о человеческом сердце,
натруженном «до» и после «нельзя»,
до крика последнего — «некуда деться!»

Я видела тех, кто прошёл через ад,
в глаза б не смотреть им, прости и помилуй!
И надо же, это они говорят —
«прекрасна земля», говорят через силу.

ВЕТЕР

Под ветер средиземноморский
не станешь Пушкина читать.
Откуда в ветре столько злости,
хотела бы я знать.

А пальмы... — ножницами режут
свинцовый воздух на куски,
забыв себя, шалют, понеже
владеют делом мастерски.

Ветрище, мучая газоны,
восторг ликующе поёт,
так беспробудно, так бессонно
поёт все ночи напролёт.

ЗЕРКАЛО

Горячая, как никель на морозе,
придёт к вам мысль о самоотчужденье.
Вы подойдёте к зеркалу увидеть
чужого человека пред собой.

Он вместе с вами повторит движенья
обеих ваших рук и головы одной,
и вместе с вами спросит: «кто со мной?»,
и поспешит умолкнуть вместе с вами.

Пройдёт неделя, или две пройдёт,
и кто вас в зеркале на этот раз найдёт?

* * *

Был вечер. Тополя стояли
в одеждах из вечерних песен,
и дворник тихою метлой
сметал набросанное за день.

Я возвращалась из гостей
домой, где ждал меня обычай
пить чай, заваренный с утра,
и слушать перед сном шуршанье
троллейбусов, идущих в ночь.

ПАСЬЯНС

Как в старину, при свечах розмариновых,
под приглушённую музыку флейт
разложим пасьянс, где в берете малиновом
розовощёкий тоскует валет.

Дама цветочек рисованный нюхает,
слушает, вы догадались, романс,
поэтому даму не путать со шлюхой,
она романтичная дама у нас.

А вот и король, образец благородства,
к даме взывает король:
«Ах, я люблю вас до ужаса просто,
без вашего сердца я — ноль».

Что ж, так и быть, короля седовласого
женим — любовь да совет!
Но по альковным законам пасьянса
свой угол в их доме найдёт и валет.

Всё как удачно, смотрите, сложилось, —
король в государственных тонет делах,
валет же при даме, чтоб меньше томилась,
лежит, словно пудель, в ногах.

* * *

Распутица. Поехать к брату
вдвоём за чаем помолчать,
смотреть, как тополь у ограды
закат готовится встречать.

Я, брат и тополь у ограды —
единокровные, свои.
Распутица. Поехать к брату
дорогой сестринской любви.

* * *

Разгорелось небо на закате, —
что творит природа, что творит!
Как принять, небесная загадка,
дикий твой, кровавый колорит?

Я хочу побыть ещё минуту
послесловьем прожитого дня.
Из какого тайного сосуда
выплеснулось зарево огня?

Что за боги разрывают в клочья
в миг один безоблачный простор?
Оказалось, что не так и прочно,
что казалось прочным до сих пор.

* * *

Ноябрь тебя уводит далеко
в свободу думать и молчать подолгу,
в досужих мыслях проводить прополку,
работу эту делать нелегко.

Боль ветки сиротливой брать взаймы,
бродить по городу, людей не замечая,
не сетуя на сырость, не скучая
в преддверье белых праздников зимы.

* * *

Всего ничего до весны, —
какая зима не наскучит!
Довольствуйся скукой ползучей,
в надежде на яркие сны.

Нескучно живут алкаши,
картёжники, с ними же — вору,
там дым в сто пудов, разговоры
и отдохновенье души.

* * *

Куда мне без вас, дерева! —
отдельный народ и держава,
вас только ли для топора
безвестная воля рожала?

Мне с вами легко горевать,
беседовать с каждою веткой
и впитывать каждую клеткой
земной красоты благодать.

* * *

Исподлобья судьбы забренчали
цацки дня из разных углов, —
то рассвет, как впервые, встречаю,
то впервые услышу щеглов,

то найду четвертушку бумаги
и огрызок карандаша...
Угощайся, душа-сермяга,
не тоскуй ни о чём, душа.

* * *

Вольно мне думать и мечтать,
о том, чему уже не сбыться,
не разучилась бы летать
привыкшая к свободе птица.

На кромке жизни постоять,
чем Бог подарит, насладиться.
Ну, чем тебе не благодать,
неокольцованная птица?

* * *

Так много тишины, так море беспредельно.
Пустынны берега. Средине января.
День предлагает жить бездумно и бесцельно,
по-птичьему над временем паря.

Когда апрель стремглав прорвётся к побережью,
проснётся городок под шарканье подошв,
высокомерный лавр протянет пять небрежно
и, чужестранка, ты её пожмёшь.

* * *

Падает свет на ладонь подорожника,
солнце всем телом легло на луга,
маки горят в ожиданье художника —
он всем на свете слуга.

Синие ирисы, вытянув шеи,
томно поют о любви.
Если ты знаешь, кто их затеял,
имя его назови.

* * *

Вхожу в Ирпенский лес, там вековые сосны
вплотную к тишине, как стражники, стоят.
На восходящем солнце горят лесные торсы,
художники природы, творят они, творят.

Я душу напою для следующей жизни
тобой, небесный свет, тобой, земная плоть.
Свободно и легко, сегодня, завтра, присно
любить, вдыхать, владеть позволил мне Господь.

.

* * *

Отправиться бы, как во время оно
в деревню к старикам, к блинам, к природе,
к фасолевым лиловым граммафонам,
к петрушке и картошке в огороде,
к забору, почерневшему от ливней,
к досужим деревенским разговорам,
к заре вечерней, к звукам негасимым
могучего лягушечьего хора.

* * *

Луна, и кони, и ковыль,
и звук цикады,
и запах скошенной травы,
и звук цикады.

Восходит белая луна
под звук цикады,
и я свободна, я одна
в плену цикады.

* * *

...а потом мы смотрели на дождь.
День потерял название.

* * *

Светилось допоздна окно напротив, —
не каждому мирволит всеавгустейший сон,
там человек из крови и из плоти
в пространные раздумья погружён.

Не спят миры, вздыхают океаны,
луна глядит бессонному в упор,
и слышен гул небесного органа
и бесконечности полифоничный хор.

* * *

Я сослана в себя.
Ушедшая от всех,
сама себе судья
и на́ голову снег.

Сама себе семья,
что не такой уж грех,
сама себе своя
слеза и горький смех.

* * *

В том доме, где любили вас всерьёз
за простодушие и за бестолковье,
за то, что вас не донимал вопрос
о смысле бытия, и всё такое,
теперь живут другие, — наизнос,
крутыми, неотложными делами
по горло переполненные. С вами
им недосуг о чувствах говорить, —
им некогда и незачем любить.

* * *

Ночь, море, ветер, камни,
огоньки далёких кораблей, —
приют художника,
прибежище поэта.

...Светильник в незашторенном окне
с луной беседует о сокровенном.

* * *

Мне довольно того, что на море рассвет и закат
сменяют друг друга и небо всегда голубое,
и в тающем лете под золотой звездопад
звучит мерным шелестом белая fuga прибоя.

Я — пришлая, что говорить! Иностранная речь
меня не чарует, но даль и природа морская
не раз мне припомнятся, скал неприступность,
их шлемов и плеч
готический шрифт и порода исконно мужская.

На днях ослепительно белый катамаран
отпустит хозяина думать про дебет и кредит,
я укутаюсь в здешний пергаментно-сизый туман,
пытаясь не слышать, как ветер тоскует и бредит.

* * *

Как по трясине тащится перо,
дни одинаковы, дожди непоэтичны,
перевелись на свете беззащитные Пьеро,
и плакать о любви смешно и неприлично.

Пусть неудачен день, но старец дуб
всё тот же, как всё та же ось земная.
И хлеб был труден, и дурак был глуп,
но ведь любили же *грозу в начале мая!*

* * *

Задумаешься в дороге,
засмотришься на облака,
блаженно растворясь в природе,
забудешь друга и врага.

Не предадут тебя ни травы,
ни зяблики, ни ястреба.
В «орла и решку» не играя,
свободу выбрала судьба.

* * *

Необозримое поле,
звон колокольный, звон...
Над деревенским раздольем
длился и длился бы он.

Чисто, свежо и спокойно, —
нет ни забот, ни тревог.
Тайно, под звон колокольный
мне улыбнулся Бог.

* * *

Где дважды два не всякий раз четыре,
любила я бывать и отбивать
чечётку слов на непорочной лире,
упавшей с неба, надо полагать.

Там был алтарь с загадочным гнездом,
там птицы певчие откладывали яйца,
там в купол бил встревоженным крылом
рождённый удивлять и удивляться.

Ах, молодость, не знала ты тогда,
что юность не вернётся никогда.

* * *

Никто не отберёт у нас
ни радости, ни грусти нашей,
ни праздника весны вчерашней
никто не отберёт у нас.

Никто не отберёт у нас
ни рая на земле, ни ада,
любви, так мучившей когда-то,
никто не отберёт у нас.

* * *

Поведи меня в цирк!
Я смеяться хочу до упаду,
и верить факиру, как никогда никому,
и с клоуном плакать неловким — какая досада!,
и восхищаться способностями какаду.

И когда два прожектора скрестят свои руки под куполом,
где худое дитя по нерву идёт не спеша,
я от страха умру, и перед смертью подумаю, —
до чего эта жизнь хороша, боже мой, до чего хороша!

* * *

Каждый вечер на манеже появлялся белый клоун,
появлялся белый клоун, белый клоун Франсуа.
Неподвижным, светлым взором он смотрел перед собою,
отчуждённый, как фламинго, и немой, как тишина.

Он, как сон далёкий-давний, проплывал перед глазами,
проплывал перед глазами недосказанностью сна.
Неразгаданною тайной, не разгаданной годами,
покидал арену клоун, белый клоун Франсуа.

АРТИСТ

Он расскажет вам смешное, удивит волшебным пеньем,
он сыграет вам на флейте, если надо — и «на бис»,
а потом покажет фокус со своим исчезновеньем, —
не найдёте ни на сцене, ни за пологом кулис.

Мы не плачем, этот фокус всем давным-давно известен,
просто мы о нём не думать втихомолку поклялись,
но скажите — я поверю — что на том же самом месте
он смешит, поёт, играет, если надо — и «на бис».

* * *

...и грустный поэт чудаку улыбнётся с галёрки
Ю.Тувим

Когда все слова переселятся в гнёзда молчанья,
и день отойдёт, сползая по крышам вечерним,
среди ночи появится с возгласом «я начинаю!»
циркач со звездой вместо сердца,
и круг божьей искрой очертит.

И зеленоглазая кошка в коричневой шерсти
удобно устроится в первом ряду без какой-либо цели,
и спустится с неба чудака, и потребует факельных шествий:
«вы скучно живёте — он скажет — я вас призываю к веселью!»

Земляне, где факелы ваши? Огни карнавального счастья
я удостою зажечь... Маэстро, поправьте оборки!
Пришельца из дальних миров... поправьте манжет
на запястье!»

И грустный поэт чудаку улыбнётся с галёрки.

* * *

Карусели в снегу, потому что — зима.
Как в современном кино, среди снега — верблюд неподвижный,
конь, задравший копыто, и, конечно же, слон-старина,
это слон, безутешный, смешной, добродушный и лишний.

Мне на память приходят картинки из прошлых годов,
люди те, что ушли, проходящие, чтобы исчезнуть.
Покружив в каруселях лошадками без седоков,
они тут же растают без слов-суеслов бесполезных.

К стёклам пыльных окон по-детдомовски сиро прижмусь, —
не ко мне ли бредёт стариковская чья-то фигурка?
Я живая, я есть, я нисколько себе не кажусь,
и старик всё виднее в истёртой годами тужурке.

* * *

Счастливый бомж не ведал разорений,
любимец давний облачных перин,
дитя нирван и чистых вдохновений,
он был, как не был, не был, как царил.

Он, помнится, ни с кем не разговаривал,
его улыбка — весь его словарь,
и сколько б нас он ею ни одаривал,
он никого не интересовал.

Так шёл он вдоль людей и, кротко их любя,
молился о жилье для каждого, и хлебе.
Однажды, сотворив молитву для себя,
он руки распростёр и растворился в небе.

* * *

Над людьми, над толпой,
над «чего сколько стоит»
высоко
восковой
символ смерти восходит.

Городские часы
смехотворно серьёзны,
к ним приладил персты
ангел мой светоносный.

Кто — живёт напролом,
кто — ползком, кто — летая,
над моим, надо лбом
тьень дрожит золотая.

НА ОТДЫХЕ

I

В горах, на подвесном мосту свободно, высоко, воздушно.
И вовсе не было бы скучно о жизни думать на весу,
но я тревожусь, как бы мост от мыслей лишних не прогнулся
и ненароком не проснулся дух водяного, я — всерьёз.

II

Моё жильё — обычный домик,
унылый домик из досок,
где тихо провожу досуг,
читая лермонтовский томик.

В соседней комнате — художник с натурщицей.
Она — небесным обликом напоминает Мону Лизу.
Художник — сам собою полон,
и видится мне, ограждён от чувств к попутнице и Музе.

Чуть свет спешит он на этюды,
приходит вечером оттуда,
на стенку новый лист кнопит,
пьёт чай и после чая спит.

Представлю вам соседей справа.
Она — жена, он — доктор права.
Предупредительны. Седы.
Усердно собирают травы.

Спешу вас также познакомить
с Марусей, горничной. Она
привычным делом занята,
умеет гостя обиходить,
по пустякам не беспокоить,
без надобности не входить
и незаметно уходить.

Маруся, добрая душа,
и хлеб, и молоко приносит,
за это дорого не просит,
а иногда и в долг даёт.

Легко с ней вечер напролёт
поговорить о комарах,
о душном и дождливом лете,
о бригадире, сельсовете,
et cetera... et cetera.

III

Но что со мною сделалось? —
и мост, и горы будто в речку канули.
Настигло... я мечусь... Я — узник в камере
с гудящим роем безымянных слов.

Что ляжет под перо?
Какой промчится всадник,
ломая сучья жёстких словарей?
Кто будет мой герой? —
отшельник безотрадный,
учёный из НИИ? Не знаю, хоть убей.

Вдруг — гул и топот... Из далёких дней
в зеленокудрых клубах звёздной пыли
возникли очертания коней,
возникли и исчезли в чернобыли.

IV

Проще грецкого ореха
и сложнее, чем взгляд животного,
оно есть, ни дать ни взять,
вот же оно, вот оно!

Выползает из норы
медленно, коряво — бу-бу-бу... ау-уы...
Ну же, зверь упрямый!

Ну давай! Живи! Владей,
чем Господь позволит,
ведь по воле не моей
ты решил глаголить!

V

Выхожу. Меня встречают
как долго и всерьёз болевшую.
Художник съехал, обошедши
места пейзажные. За чаем
юрист сидел, сидел-скучал
и близ него жена скучала.

— А где Маруся?

— О, Маруся...

Посватался к ней бригадир,
толковый парень, с положеньем
и лучшим к ней расположеньем.
Придёт, расскажет всё сама,
у них получится хорошая семья.

А вы, как посмотрю, вы странный персонаж,
мне видится, вы человек не наш.

* * *

Ангел белый, ангел лёгкий, грустный ангел,
ты в беде меня ни разу не оставил,
из таких провалин доставал...
(мастер чёрных дел, как водится, не спал).

Прилетал каким-то чудом в час гремучий,
чтоб соломку подстелить на всякий случай.

* * *

Спящий мальчик, уснувший в одежде,
ты не скоро поймёшь, что почём,
и очнувшись от сна безмятежного,
будешь много чему удивлён.

Где салазки, где люшеньки-люли,
сказки на ночь про добрых Баб Яг?
Мама-мамочка, кто эти люди
вместо птичек, котов и собак?

Мир огромный наступит на горло, —
«ну-ка, мальчик, давай шевелись!»,
чтоб тебя между дней не растёрла
незнакомая, грубая жизнь.

* * *

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен...

М. Ломоносов

Ну вот, я наконец, свободна для постиженья трав...
Кузнечик дорогой, как долго мы друг к другу
навстречу прыгали.

Скажи мне, как ты жил,
пока влюблялась я, считала звёзды,
ходила добывать хлеб, мясо, молоко?

Легко с тобой.
Здесь центром мироздания стоит ромашка.
О себе всё знает.
Здесь вековые стебли спорыша
упрямая комаха раздвигает и проползает.
А куда? Куда?!

Хоть не спеша, пускай себе идет, —
её тернистый путь увенчан будет непременно
чем-нибудь.

А правда ли, кузнечик-музыкант,
служитель мой искусства для искусства,
что здесь добро и зло находят тень,
но спорить не хотят? Скажи, кузнечик!

ТРУД

Ненастный, но весенний день.
Деревьев капилляры сжатые
сосут земную влагу медленно и жадно.

Весь воздух молоком облит,
деревья в напряжённых позах,
и каждый бугорок болит,
что завтра клейкой станет почкой.

Тяжел и радостен, и бескорыстен труд
зелёных наших братьев и сестёр,
и пусть в костер их листья упадут,
был радостным и не напрасным труд.

* * *

С кочки на кочку, через болото
выйду к домам, найду ночлег.
Там, за чужим, незнакомым порогом
встретится ли не чужой человек?

Близко уже. На зелёной равнине
виден тропы узнаваемый шрам,
под деревьями конь белогривый,
будет с кем поговорить по душам.

* * *

Как часто печаль выбирает вечернее время,
над человеком искусно плетёт тишину,
и без усилий находит своих между теми,
кто в спутники жизни не солнце берёт, а луну.

Ну что ж, погрустим, окунёмся в прошедшие годы,
покинувших нас церковным помянем вином,
и молча полюбим и сумерки, и непогоду,
и листопад за ещё не закрытым окном.

* * *

Прогони тоску, пичуга,
почирикай-посвисти,
заодно печаль и скуку
хоть на время отпусти.

Расскажи-ка мне, пернатый,
презабавный хохолок,
как живёшь ты, не помятый
жизнью голи перекатной,
жизнью лёгкой — прыг да скок?

Впрочем, и сама я знаю,
догадалась и сама, —
всюду с песенкой порхая,
где-то в облаках витая,
ты не мучаешь ума.

* * *

К. Р.

Куражный, ненадёжный, дерзкий Март,
так ветрен твой разбойничий азарт,
так заразителен твой заполошный джаз,
колтрейновых фантазий парафраз.

Куда как хороша твоя гульба,
не для тебя житейская судьба,
но так недолог радости постой,
размашистой, ухабистой, мужской.

* * *

Я человека видела,
которого судьба
не то чтобы обидела,
а просто обошла.

Он жил благопристойно,
старел из года в год,
утех бежал любовных,
чтоб не было хлопот.

И вот, когда пришла к нему
та женщина, что — Смерть,
он стуку однократному
был счастлив отпереть.

Спросил её приветливо:
«Ты, женщина, за мной?»
И та ему ответила:
«А разве ты живой?!»

* * *

На отмели речной двухвёсельная лодка
ждала рассвета. Тихая волна
нашёптывала берегу слова
о бесконечности. И созерцавший, тот кто
не спал всю ночь и видел, как луна
всё медлит расставаться с небосводом,
был сам луной и шелестом волны,
и явленным творением Природы.

* * *

Учиться мудрости у медленной реки,
не кланча подаяния у Времени.
Я потому часам не подаю руки,
что их браслет пережимает вену мне.

* * *

Мы узнаём друг друга, лебеда,
в ногах природы всем хватает места.
Встречаясь на дорогах иногда,
мы разговор с тобой заводим честный.

Я — тоже парвеню, изысканную брошь
не пристегнёшь к брезентовой одежде,
но как нас ни сгибай, как ни ерошь,
мы выстоим и немощных поддержим.

* * *

День уходил. Нас было трое. Мы
сидели на веранде за «Фетяской»,
досужие рассказывая сказки,
разгадывая прошлой ночи сны.

День уходил. Стаканы осушая,
мы слышали — ежи в саду шуршали,
сарай поскрипывал о том о сём,
и тополь шелестел о чём-то о своём.

* * *

Ночь замедляет шаги,
безотвязная память
надо мной нарезает круги.

Мне нечего прятать.

* * *

Пойдём со мной. Пойдём на Труханов остров
к дереву, что стоит над водой.

Это для него течёт Днепр
и тихими стежками-наплывами гладит его корневища.

Как широко раскинулись его руки,
как свободно шевелятся его большие одежды!

Это дерево — царь в солнечной короне,
к вечеру — монах с молитвой о завтрашнем дне,
а ночью — душа, и нам не узнать его тайны.

СКУКА

Скучает город. Я скучаю с ним.
Скучает мост во всю длину. Скучают
осенние костлявые кусты
и будки телефонные скучают.

Скучает чашка чая на столе,
скучает муха на стекле оконном,
и только Скука не скучает, — тапки, плед
услужливо вручает, гость суконный.

* * *

К. Р.

Похоже, будет дождь... Угрюмый урбанист,
тебе не нравится бывать в деревне.
Там Баха исполняет небесный органист
на клавишах задумчивых деревьев.

Сосед по вечерам приходит просто так,
зевает широко, и рот перекрестивши,
заводит речь о ягодных местах,
и о грибных за лесопилкой бывшей.

Он и о Боге стал бы говорить,
беседуя вполголоса с собою.
Ему так просто удаётся жить
в блаженстве бесконечного покоя.

* * *

Одноокий фонарь,
одноногий фонарь,
одинокий фонарь ...

Он светит и светит...

* * *

Поди попробуй приручи,
стреножь брыкливую лошадку.
Кому под силу приучить
вольнлюбивую к порядку?

Не сыщешь для нёе угла,
не запряжёшь её в телегу, —
общежитейские дела
шальному не угодны бегу.

* * *

И снова — в тот пейзаж, который вряд ли
пейзажем назовёшь, реку — рекой,
луга — лугами, травами — траву.

Там был раскат неукротимых сил,
там смешивалось всё со всем, что может
сливаться, рваться, смешиваться снова,
и снова быть разъятым на куски.

Счастливый страх не вышибал опору
из-под ноги, а гнал на всех парах
туда, где мной предполагался свет,
и кто-нибудь, кто был бы человеком.

РАЗРУШЕННАЯ МЕЛЬНИЦА

За глинистым полем разрушенной мельницы остов
вдали от деревни встречает последний закат.
Ветрами обглодан, дождями косыми исхлѣстан,
стоит он у белых, сакральных, распахнутых врат.

С котомкою снов, с цветами, растущими в небе,
к нему прихожу я. Мне не к кому больше идти.
На ризах его я рисую красивую небыль,
будто снова он молод, чуть видимый дух во плоти.

* * *

Нашедший истину молчит,
нашедший истину не спорит, —
ненайденность, та суесловит,
та чувствами кровоточит.

Умолкнувший глядит на сад
и видит сад как данность сада.
Бесмысленно бежать назад,
снова по прошлому, надсадно
ушедших звать. Они ушли,
отбушевав и отглаголив.
Над ними новые взошли
созвездья радости и боли.

...Жить в возрасте своём, в доме
покоя, силы, постоянства,
в высокой мудрости бесстрастья,
не поклоняясь никому.

* * *

Душа моя, лошадка загнанная,
не приручённая, увы!
Абсурдом времени израненная,
не ждёшь ни от кого любви.

Не раз оболганная, битая,
куда ты нынче собралась,
куда сошлёт тебя наитие
на этот раз?

* * *

Свети же, ночная, вечерняя, утренняя звезда,
дай не разбиться о землю выпавшим из гнезда!
Не ради хлеба поющим не уставай, сияй,
в стае ворон орущих сиротам пропасть не дай.

Где б ни летать им, и где бы
ни встретить печальный конец,
им, обручённым с небом,
не снять обручальных колец.

* * *

Прошла зима, хозяином вошёл
небритый март в окоченевший город.
То сквер, то двор, то кое-где пригорок
собой занял. Первобытный голод
он утолил сполна, пинком свалив заборы
с земли заспавшейся, тяжёлой и большой.

В снегах искристых, там остался дня
волшебного мотив, каким-то высшим чудом
подаренный. И всё звучит оттуда:
«Сестра моя, не забывай меня».

* * *

Ж. Л.

Не думать ни о чём, —
какой в раздумьях прок?
Мы тут вдвоём с дождём
проводим вечерок.

У партии дождя,
у шелеста листа,
у птичьего гнезда
так музыка чиста.

* * *

Так много дней уже не слышу я,
как ангелы поют, как плачут дети.
Жизнь наглухо закрыла от меня
былую щедрость солнечного света,
живую речь земли, воды, огня,
неделю за неделей хороня.

Был беспределен некогда простор
развёрнутого неба. Дождь молился
о близости с людьми. Под свой шатёр
манило дерево, и бесконечно длился
реки со временем неспешный разговор.

Мне не вернуться к прежним вечерам,
когда раскаты грома не пугали,
когда закаты нежно обнимали
края земли, когда соединяли
в одно — «сегодня». «завтра» и «вчера».

К ДРУЗЬЯМ

Родные мои, бесскворечные,
певчие вы мои,
грешные души безгрешные,
поводыри любви,

без выходных работники
в безгонорарный век,
художники, вестники, столпники,
иноки библиотек!

Не уставайте, звёздные,
узники высших сил,
вам небесами розданы
крылья белей белил.

Не умолкайте, милые,
кутайте горло зимой,
истины дети надмирные
в скорбной юдоли земной.

* * *

Старинной книги стёртые края,
игрушечный, миниатюрный глобус,
часов настольных чистота и строгость
и лист бумаги рисовальной. Я
решаюсь взять перо и приступить к работе.

Так много существует мест в природе
не стёршихся из памяти. И вот он —
возник тростник и серебристость водной
поверхности. Невысоко над ней —
стрекозий мостик, лёгкий, деревянный,
держась на столбиках из пней,
и дальше — тропка ниточкою рваной
уводит глаз из лучших в жизни дней.

* * *

Много неба, кусты кое-где и дорога,
идти далеко ещё, долго идти,
вокруг никого, кроме Господа Бога,
печальней мотива искать-не найти.

Все разъехались.
Каждый один-одинёшенек,
в мире чужом — стебелёчек души,
по камешкам дней в одежонке поношенной
робко ступает и счастлив, что жив.

А с воздухоплаванием кончено, милые,
писарь пилатов занёс в протокол
запрет на крыла, и со скучною миной
перо отложил и сморкнулся в подол.

Но кто-то один, кто не слушает радио,
отроду вольный и малость того,
отнюдь не борец за свободу и правду,
парит в небесах высоко-высоко.

* * *

Ещё не скоро у закатов зимних
закончится малиновый запал.
Края села, пригорки и низины
безмолвны и нежны. Бог задремал
за огородами у ледяного пруда.

В предчувствии рождественского чуда
застыли деревья. Сосед мне рассказал,
что здесь в Сочельник ангелы летают
и в душах мир надолго поселяют.

Ну а пока сиди в избе, блаженствуй,
гляди в окно на санные пути,
на здешний день, искристый и торжественный,
чтоб было с чем за горизонт уйти.

* * *

В эту зиму было столько снега,
скрипа под полозьями саней,
опускались кружевами с неба
сны живые на снега полей.

Белый день из воздуха и света
наметал сугробы у дверей,
далее очарованных приметы
растворялись в снежном серебре.

* * *

Январских выюг неистовые вихри
проносятся над белою землёй,
крещенские метели оживили
деревню, задремавшую зимой.

Задиристых ветров изломанные крылья
по окнам бьют, и знаками с небес
рисуют тонкой серебристой пылью
узоры кем-то явленных чудес.

* * *

Под липами стол дощатый.

— Давай посидим.

— Давай.

Прощайте-прощайте-прощайте,
стол под липами, старый, прощай.

Всё свершила, покуролесила,
будет-будет, что вспоминать, —
«горько-горько» и «весело-весело»
приходили друг дружку сменять.

...Куст сирени стоит подвыпивший,
независимый, молодой.
Надо ехать, не то не выдержу,
домой-домой-домой.

* * *

Тростник на болоте в глубокой ночной тишине
так чётко очерчен, как на гравюрах старинных.
Стрекочет, беснуется, плещется в чёрной воде
компания крячущих, лапчатых, зеленоспинных.

О ком они? — «Кум королю, королю он не кум», —
судачит неслаженный хор до умопомраченья.
«А ты кому кум? — а я никому и не кум,
я верю в своё неразменное предназначенье».

...Кувшинки-царевны... Зелёная ряска, как сон...
Устали хористы, устали и просят антракта,
затихли джазмены, затихли до нового акта...
...Звучит тишина и луны золотой камертон.

* * *

Куда вы меня не пустили?

Туда,
где солнце творит удары сквозь крону кипящего дуба?

Туда не пустили,
где под ногами тугой подорожник
мимо ушей пропускает клёкоты тёмного мира?

Не пустили туда,
где ночь воздвигает хрустальные вертикали?

Где дерзкие ливни,
клянясь последнею клятвой последнего жизнелюбца
любят и любят родящую землю,
и нас обнимая до нитки, и нас обнимая.

* * *

На пиру этой жизни набросано много всего.
Тебе денег, счастливец? —
бери сколько хочешь в охапку!
А хочешь? — друзей миллион!
А хочешь? — волшебную шапку!
Надень и ходи в ней счастливей себя самого.

Скорее, скорей выбирай! —
хочешь, море бери, хочешь — сушу,
любуйся прекрасным,
хочешь — издали, хочешь — вблизи.

Вот с любовью сложней, —
по одной её роздали каждому смертному в душу,
её разменяешь, — другой не дадут, не проси.

* * *

Как волна с волной,
как луна с луной,
как война с войной
говорю с собой.

Успокоиться не приходится,
как бы мне с собой не рассориться.

* * *

Здравствуй. Входи, Одиночество.
Вот тебе стул. Садись.
Выпьем чайку, коньячку, если хочется,
поговорим про жизнь.

Молча сидим. Или я туга на ухо,
что не такой уж пустяк.
В поисках душ, не задраенных наглухо,
не повезло мне. Вот так.

* * *

Тысячу раз говорили мне умные люди —
«Надо спешить!» — говорили мне умные люди,
«Надо вершить!» — говорили мне добрые люди,
«Надо размашисто жить!» — твердили настойчиво мне.

И так случилось, приснился мне древний китаец,
«Будь, как Природа», — чуть слышно сказал мне китаец,
«Она никуда не спешит», — с улыбочкой молвил китаец,
«Но успевает везде», — во сне прошептал он мне.

* * *

Ничего не случилось, —
где-то ветка сухая упала,
где-то птица вспорхнула,
и не птица, а так, воробей,
где-то скрипнула дверь,
среди ночи окно засветилось...
Скоро будет светать,
вот уже заалел горизонт.

ГЛИНЯНЫЙ ЗВЕРЬ

*По мотивам анималистических скульптур
киевской художницы М. Галушко*

И пришёл ко мне глиняный зверь,
я его, вот вам крест, не звала,
а пришёл ко мне глиняный зверь
и уставился прямо в глаза.

Осмотрев мой домашний дизайн,
он спросил меня, кто здесь хозяин.
От такой неожиданности
начала я такое плести:
«Зверь, не я тут хозяйка, а ты».
Ведь бывают такие минуты...

Наконец, совладав собою,
и решив не сдаваться без бою,
я спросила: «из чьей ты утробы?»
И ответил мне зверь: «я — добрый».

* * *

Восходит солнце. Ночь была моя.
И с кем бы я ни заводила речь,
послушный собеседник откликнулся,
садился визави, задумчивый, бесплотный,
и добрый, слушал, слушал и молчал.

Я не свихнулась ли?
Да нет, — светлеет небо,
за окнами всё те же деревья.
Уходят тени. На листе бумаги
знакомым почерком набросаны слова.

* * *

Снега. Тем летом вот на этом месте
неслышно одуванчик облетал,
ходил по полю аист бестелесный
и мыслями в абстракциях витал.

Стога крутыми, тёплыми боками
пространство собирали, и когда
садилось солнце, с древними богами
соприкасалась тёмная вода.

И день и ночь невидимое время
проходит мимо стынувших лугов.
По косточки корявые деревья
стоят на привязи холодных берегов.

* * *

Как сторожа, на даче у веранды
стояли мальвы. На́ небе ночном
мерцали звёзд холодные брильянты,
мы пили чай пустой, болтая ни о чём.

А где-то за прудом раскачивались сосны,
трудились муравьи, боровики росли,
не дожидаясь дня. Там небольшого роста
мохнатый пан играл мелодии свои.

Нам не хотелось спать. В чертогах мироздания
творилось нам неведомое. И
неоновой луны ленивое блужданье
нам не давало в дом из-за стола уйти.

* * *

Вот оно, время громов и молний,
природа пашет и вкривь и вкось,
скопилось в жилах крови крамольной
и началось!

Разгулевались большие страсти,
располыхался язычник-дуб,
расклокотался в пропащем царстве
открытый, дерзкий, вселенский дух.

Земля всё примет, — видала всякое!
Когда природы разящий вздор
последним ливнем вконец иссякнет,
услышим чей-то глубокий вздох.

* * *

М. Н.

Корявое, старое дерево-Дуб,
мой бог и папаша, мне веткою машет.
Он вовсе не страшен, пусть — ночь, и без листьев
шершавый мой друг основательно груб.

Стоит не кренясь, не растение, но Дуб,
лесной исполин в темноте непроглядной,
живность мохнатая пляшет вокруг
его заповедной исповедальни.

Люди боятся его тайников,
богов его тёмно-зелёной отчизны,
его, сквозь столетья оброненных, слов
хватило бы многим на несколько жизней.

* * *

В соседстве с пальмами живу
(другой бы позавидовал),
я здесь чудачкою сльву
отвязной и безвизовой.

Моих бульваров тополя
от глаз чужих, за пазухой,
как драгоценное дитя,
держу и не показываю.

* * *

Проснёшься ночью — над твоей кроватью
то ль человек, то ль призрак во плоти,
«Жизнь — не затем, — он скажет, — чтоб проспять её,
за проживанье, ну-ка заплати».

Что я могу, бездельница меж вами, —
словами изойти, чернильными слезами,
да тыкать пальцем в медленный рассвет?..
Других и нету у меня монет.

* * *

Невозмутимый кипарис
вбит в краснозём наружу острым,
разнежившийся тамариск
поглаживает южный воздух.

Кнутом и пряником — так жизнь
бьёт и ласкает век от века,
и окриком: «встряхнись-смирись!»
возделывает человека.

* * *

Хочу вживую видеть ангела,
пускай без крыльев. Пустяки! —
я бы сама к нему приладила
подобье оных из фольги.

Я любовалась бы часами
его безгрешной красотой,
его глазами-очесами
и непорочной белизной.

И только я о нем помыслила,
явился он. «Чего звала? —
спросил он как-то укоризненно, —
взялась бы лучше за дела».

* * *

Живу, как будто бесконечна жизнь,
и к ней впритык прилажена другая.
О ней — потом. Пусть объяснит буддизм,
иль православье тему излагает.

Я истин этих не большой знаток,
мне и не надо, если разобраться.
Дышать и петь могу, держась за свой шесток,
и миру по-дурацки улыбаться.

* * *

К. Р.

...и сказал мне «Здрасьте,
я — твоё несчастье!
Я любим тобою
и люблю тебя.
Ничего не бойся —
я всегда с тобою,
я всегда с тобою
и вокруг тебя.

Мы с тобой едины —
кнут и кнутовище,
топор и топорище,
замок и замо́к».

— Не спеши, дружище,
ты найдёшь, ты ищешь,
а в выборе любимых
ты большой знаток.

В ПОЕЗДЕ

Запотевшее окно,
мой приятель грустен,
за окном темным-темно,
мой приятель грустен.

Струйки по стеклу ползут,
мой приятель грустен,
под дождем коров пасут,
мой приятель грустен.

Пьём грузинское вино
за людей искусства,
мой приятель всё равно
беспробудно грустен.

Запотевшее окно,
ты ли в чём повинно?
Дай, приятель, мне с вином
грусти половину.

Стало холодно и мне,
а пора ночная,
поезд мчит, а грусть в окне
головой качает.

* * *

Мужчина средних лет ведёт на двор собаку,
крутит педали велосипедист,
кружится в воздухе осенний лист,
и просто так стоит на улице зевака.

Ну, просыпайся, день! Развороши меня,
разбейся вдребезги, но дай увидеть чудо,
сведи с дороги, в зарослях запутай!
Мне мало пребывать. Плесни-ка мне огня!

В ТЕАТРЕ

Пока настроится оркестр,
пока контрабасист зеваает,
пока арфистка зазывает
вторую скрипку на коктейль,
настраиваюсь на «Жизель».

Бедняжка, как могла она,
лесная дочь — не балерина —
в повесу, в пряничного принца
до сумасшествия влюбиться?

И чем ей деревенский парень —
он ровня ей — не угодил?
Ну, загляденье! Чем не пара?
Как жаль его, — он так любил!

Ужель несу я сущий бред?
И я ведь не в того влюбилась,
и только этим провинилась
перед тобою, о, балет.

...любви трагичен ломкий крест,
и времени — пустая трата.
Бежать скорее из театра,
пока настроится оркестр!

* * *

Не забуду северных сияний,
белой ночи петербургской не забуду,
снега бережные прикосанья
к небесам высоким не забуду.

Те мгновения воистину прекрасны,
время их гасить не успевают.
Скрип полозьев по нетронутому насту
до сих пор звучит, не умолкает.

* * *

В сопровождении Муз
кружит над Никитским бульваром
синий, зелёный, алый,
белый январский блюз.

И очарованный чудом
на полдороге замрёт,
не вспомнив, куда и откуда,
куда и откуда идёт.

* * *

Вот и осень, — повадкою лисьей
задами подкралась к садам
закручивать в трубочку листья,
раздаривать сны деревьям,
раскрашивать кроны умело,
углём тушевать облака,
последним теплом лелеять
седого садовника.

* * *

Под вечным небом, под звёздной крышей
ночное море лежит и дышит.

МОРЕ

Живёт врасхлѣст, — не отбывает срок,
не победить его ни голодом, ни мором.
Когда нагнѣт беда, иль попадѣшь в силок
для ловли душ, посовещайся с морем.

* * *

Перед кофейней чернокожий
в вечерний, благодушный час
поёт для публики вельможной
из сердца вырвавшийся джаз.

Зависла чайка над гитарой,
забыло море гроыхать, —
оно в конце репертуара
певцу начнёт рукоплескать.

* * *

Июль. Изнемогают олеандры,
температура — выше тридцати.
Семь вечера. Играют музыканты,
солисточка поёт: «Как мне тебя найти?»

Та музыка — ни миру и ни городу —
курортная мечта отпускника,
но в девочке, ей лет двенадцать от роду,
открылась вдруг любовная тоска.

* * *

За соснами костёр виднеется,
там сторожем безбрежной ночи
нечёткий силуэт колеблется
под сводом звёздных многоточий.

Быть может, мессу по молчанию
там кто-то в одиночку служит,
и преисполненный печали,
в лесу свою врачует душу.

* * *

...потерянный, полубезумный,
как проигравшийся игрок,
он шёл по улицам безлюдным,
ища последний уголок
у божьих ног.

* * *

Теченьем к берегу прибило кривую ветку, —
куда ей было совладать с порывом ветра!
Держись, родимая, держись, а сил не хватит,
глядишь, сердешную тебя, сам Бог подхватит.

ОБРАЩЕНИЕ К ОТРАЖЕНИЮ В ЗЕРКАЛЕ

Забавен мир твой
и забавен мой,
твой плач
и смех мой —
об одном и том же.
Твой мягкий взгляд и мой,
металла твёрже,
скользят по тем же рытвинам души.

Где нам искать начало и конец?
Чему стяжать венец и порицанье?
Как потерять ненужных пол-лица мне,
мудрец, служитель истины, скажи.

* * *

Подумать только, что во мне
скопилась кровь столетий стольких,
что не приснится и во сне.

Кто они были, те, что жили,
что пропускали кровь по жилам
в последующие века,
свои оставившие кости
в глубоких ямах на погосте
и души где-то в облаках?

Кто б они ни были, они,
как часовые механизмы,
работали для организмов
неведомых. И пуп земли
для нас, сердешных, надрывался,
солёным потом обливался,
чтоб мы существовать могли
и в глину вязкую легли.

И так без края и конца,
закону вечности внимая,
качают кровушку сердца,
самих себя не понимая.

* * *

Над городом — птичий переполох,
сбились с ног по воздушной тревоге
те, кто выжил и те, кто ещё неплох,
собрались, все как есть, в дорогу.

Щедрый бог вам сподобился дать
по две родины, людям — одну лишь,
чтоб о ней, о родимой, везде тосковать.
Тут ничем не пособишь.

* * *

К чужому небу ввек не природниться,
не для тебя пекут здесь пироги,
ты, погорелица, держи свою синицу
до судорог в руке, и плакать не моги.

Пустышкой с родины и крестиком нательным
так дорожи, чтоб было не отнять,
и каждый раз прослушай колыбельной
родные звуки перед тем, как спать.

* * *

Ты не печатным выполнен станком, —
живые люди вытрудили ночью
тебя в любовном забытьи.

Ты выплеснешься в корчах
в орбиту без названья беспомощным комком.

И зацепившись за подол дождя,
ты будешь до последнего держаться
за дерево, за куст сирени для
того, чтоб с этим миром не сражаться.

Великодушие отнюдь не для него, —
он вырвет из-под маминых подмышек
любого, сын мой, выкачав своё,
взимая плату лишь за то, что дышишь.

НОСТАЛЬГИЯ

Над морем медленно проходят облака,
свободные, как пушкинские строфы.
Всплывают в памяти январские снега,
колокола в дни Рождества Христова.

В беседке живописной задремал
век девятнадцатый с четырёхстопным ямбом,
дух чистоты там некогда витал,
туда слетать бы на часок хотя бы.

КИЕВСКИЙ СНЕГ

Я тебя удержала карандашом на бумаге,
снег серебристый, легкий январский снег.
Здесь, в местечке французском, застряла моя колымага
и ты, не растаявший до сих пор, киевский снег-оберег.

Да и вы не отреажи, с кем мы по снегу скрипели,
валенками в Рождество, — это было по числам шестым.
Кто ж забудет, как с вами мы руки озябшие грели
у печки, истопленной нашим соседом, вечно хмельным.

* * *

Зимнее поле. Даль.
Раннего утра скань...
В белой одежде — стог,
белого поля бог.

С далью наедине
Вечность — у снега в плену —
вне бытия, вне,
сеет вокруг Тишину.

* * *

Целый год мы с тобою не виделись, месяц-сентябрь,
щедрый от щедрости, жёлто-оранжевый месяц,
спелых плодов наливных недолговечный владелец,
всё до копейки отдашь, — да насытится божия тварь.

И закончив труды, ты вразвалку уйдёшь в никуда,
воспоминаний гербарий оставишь на память.

Через месяц-другой завладеет землёй

серо-сизая слякоть...

Мне припомнятся дни,

когда воздух прозрачнее был

и вкуснее вода.

* * *

Ранней осени медленный блюз
обнимает последним теплом,
листопад про сезонную грусть
пишет письма земле золочёным пером.

Покружи надо мной, покружи,
одинокства чистого лист,
и в вечерней глубокой тиши
помолись за меня, помолись.

* * *

Октябрь — пора самосожженья
платанов и других растений.
Пляж опустел. На побережье
остались чайки и прибой.

А небеса, само собой, —
в свободном волеизъявленье
с невиданным воображеньем
творят миражи надо мной.

* * *

Агавы за ночь полегли
под ветром штормовым,
не вышли в море корабли
к пределам ледяным.

Сижу и я в своём углу,
ссутулив рамена,
и сигаретами дымлю
до самого темна.

Мне соучастницей бывать,
пожалуй, не впервой, —
тебя, Природа, принимать,
беседуя с тобой.

* * *

В открытое окно ко мне
цикада ночью залетела,
в её платановой стране
ей слушателя не хватило.

И я, разинув рот и уши,
забыв о соловьях в лугах,
о голубях на площадях,
всю ночь её рассказы слушала.

* * *

Лет двадцати пяти китаец
разносит кофе по столам.
Клиент, неловкий иностранец,
французским не учён словам.

Он, подозвав официанта,
в числительных и падежах
запутается виновато,
себя меж стульями зажав.

Он, выпив кофе за два евро,
уйдёт с поникшей головой
к морскому берегу, и первый
заговорит с морской волной.

* * *

Живут же люди и в воздушных замках,
им нипочём и слава, и позор,
им смуты мировые — сущий вздор,
им хорошо, и в этом вся загадка.

Я к вам хочу, не знающие боли,
я буду петь о счастье без конца,
я, так же, как и вы — изделие Творца
в Его за пояс заткнутом подоле.

Вас уронил, видать, по недосмотру
создатель вечных душ и наспех сбитых тел,
вы приняли с улыбкою удел
пожизненной свободы первородной.

* * *

Живу в рассрочку.
Воздухом заёмным который год прерывисто дышу.
Моя душа пока не ставит точку, —
глядит вокруг и бредит в одиночку,
и поверяет бред карандашу.

Ко мне заходят разные слова,
графитный след в блокноте оставляют,
побыв часок у моего стола,
куда-нибудь надолго улетают.

Какая мука их прилёта ждать!
Ничуть не существующего бога
навязчиво молитвой осаждать,
прося пароль от входа потайного.

* * *

Пошли дожди, прохладные, осенние,
пустеют гнёзда, впереди — зима
с картошкой в кожуре, с готовыми пельменями,
с рассветами ленивыми в глазах.

Гуляй — чего там! — подводи итоги,
за шагом шаг ошибки сосчитай,
и не пеняй на дремлющего Бога,
скучай со Скукой, окна закрывай.

* * *

Сама себе поверю на слово
и сочиню земной Эдем,
благополучный и бесклассовый,
мартини выпив перед тем.

Там дьявол с ангелом под ручку
пойдут в кафе, не помня ссор,
и шариковой авторучкой
подпишут мирный договор.

* * *

Сочиняют мне завтрашний день
кипарисы средиземноморские,
пальмы-цапли, кусты бутафорские,
опустевшая карусель.

Запускает трёхлетний малыш
прямо в небо воздушного змея.
Вдруг и я приподняться сумею
выше старых залатанных крыш?

* * *

— Куда пойдём?

— Мне всё равно, куда.

— А может, к озеру? Там цапля беспристрастная,
посланье тайное, начало мироздания,
высокая, недвижимая, одна...
Вокруг неё — осока и вода.

Спросить бы цаплю,
как сто лет стоять
и воли к жизни не терять
ни капли.

* * *

На юге Франции зима,
гудят ветра, лопочут пальмы,
закрыты бар и синема,
открыто море. Всё нормально.

И сумерки часам к шести
сгущаются, чтоб в день ненастный
горячий кофе поднести
и ворох размышлений праздных.

* * *

Увезу с собой
штормовой прибор,
чаек жалобы,
шаткость палубы,
запах южных трав,
дня и ночи сплав,
звёзд небесный хор
над величьём гор.

* * *

— Однако, жив курилка!

— Да как же мне не жить?

Когда бы получалось из жизни выходить,
как в зиму из парилки,
и снова возвращаться,
и снова возвращаться и телу и душе,
тогда могло бы стать,
тогда могло бы стать,
тогда могло бы стать,
что не жила б уже.

* * *

Мне не раз доводилось в дворах проходных
среди белого дня заблудиться, —
я снегов и дождей, облаков кучевых,
трав, деревьев и птиц ученица.

Между редких, не знающих жизни, разинь
весь свой век провожу без разлада.
...Как звенит колокольчик лесной! — дзинь-дзинь-дзинь...
Ну, а болшего мне и не надо.

* * *

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой,запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Афанасий Фет

Дверь чуть-чуть приоткрылась тугая,
и сквозь щёлку меня спросили
властным голосом: «Кто ты такая,
и чего тебе надо?» — спросили.

А за дверью была не квартира,
и тот голос был не из гортани, —
за порогом клубилось полмира
и, как море, влекущие тайны.

Много лет с той поры прокатилось
по бугристым путям и пологим,
много солнц за те годы сменилось, —
я всё так же стою на пороге.

* * *

Как потёрлась одежда моя! А душа неприкрытая верит
птичьим выкрикам, рвущим пространство
над мартовским сквером.

Сколько б раз ни крушились мои золотые надежды,
он ко мне пробивался, росток моей радости грешной.

Всё сильней и сильней сквозняки из чужих подворотен,
но цветёт мой каштан на углу Фундуклеевской, — вот он!

Говорят, под счастливым созвездием надо родиться,
чтоб туда не ступить, где кишит, и гниёт, и роится.

Что ж, спасибо судьбе, и когда я умру, пусть она повторится
у того, кто её, той счастливой судьбы, не боится.

* * *

Ведь каждого у полосы заката
неотвратимая подстерегает правда
финала. Но каким он будет? То-то
не спишь ночами, прошлое листаешь,
что ждёт тебя, в конце пути узнаешь.
Ты выдержишь. Ты ко всему готова.

К ПОЭЗИИ

На срезе дерева не сосчитать колец,
ветвилось дерево, шумело под ветрами
и уступило место, наконец,
сородичам с окрепшими корнями.

Прощай, Поэзия, мы плакали с тобой,
кормились с рук невиданной свободы,
«на ты» мы были с солнцем и луной,
нам кров давала матушка Природа.

Сверкни ещё под вечер как-нибудь,
за край земли мне подсвети дорогу.
Был пройден путь, не страшно и уснуть
в обнимку с прошлым за земным порогом.

* * *

Прощай, Поэзия! Греховная, прощай!
Серебряные призраки, прощайте!
Возлюбленные, больше никогда
ночными винами меня не угощайте!

Пора увидеть мир, каким он есть,
увидеть жизнь без грима, без обмана,
и здравый ум, мужицкий, предпочесть
эфирным вымыслам поэта-меломана.

Прощай, Поэзия! Я не предаю тебя.
Твой тонкий профиль будет жить, как прежде,
в рассеянных, дождливых ноябрях
романсом о несбывшейся надежде.

* * *

В день раздражённого солнца
больно ударит свет,
перед глазами появятся кольца
не уходящих из памяти лет.

Вспомнишь краюху сиротского хлеба,
горький во рту вкус,
и снова поднимешь упрямо и слепо
жизни привычный груз.

Выкормыш века, гордячка,
голову держишь, как стяг,
и ничего тут не переиначить,
пока семафор не опустит кулак.

* * *

За меня постоят колокольные звоны,
стены старых домов, тёплый свет из окон,
за меня постоят и поддержат колонны
жадно прожитых лет, их число велико.

Живы Пушкин и Лермонтов, жив Баратынский,
за меня постоят, верю я, и они.
Не ропщи на других, — сколько дальних и близких
сколько в жизни твоей настоящей родни!

К ЖИЗНИ

Спасибо за уединенье,
за морозящий дождь,
за счастья редкие мгновенья,
за правду и за ложь.

За невозбранную свободу
идти куда хочу,
за то, что торная дорога
пришлась мне по плечу.

СОДЕРЖАНИЕ

«Который час? Ну да, уже светает...»	5
«Мы с Природой одни. Ничего-то мне больше не надо...».....	6
«Я вспоминаю Пирогово...».....	7
«Птицы лесные! — великие музыканты!...»	8
В северном лесу	9
«Июльской липе в мире нет соперниц...»	10
«Серебристо-голубое небо над землёй...»	11
«У сосен красные стволы...»	12
«Хватит города и суеты!...».....	13
«Кончается лето, кончается небо для птиц...»	14
«Подсолнухи освещают день...»	15
«Звёзды падали в траву...»	16
«На берегу Днепра две горстки рыбаков...»	17
«спокойное лето...»	18
«Падает свет на ладонь подорожника...»	19
«Холодный, дрожащий в тумане дождь моросит...»	20
«Всё голо. Лют дожди. Классический ноябрь...»	21
«На чистом листе декабря...»	22
«Деревня в январе прозрачна и невинна...»	23
«За этот снег на деревенских крышах...»	24
«В морозное утро по чистому полю...»	25
«Такой театральный, замедленный падает снег...»	26
«Какая долгая зима!...»	27
«В Голосеево, возле озёр...».....	28
«Тяжело и покойно лежало Балтийское море...».....	29
«Ужасно море. Третий день штормит...»	30
«Не буду думать, что и я умру...».....	31
«Я люблю тебя, дерево...»	32
Апрель	33
«Июльский дождь упал, как камень...»	34
Музыкальный момент	35
«Берег...»	36
«Как больно мне смотреть на красоту...».....	37

«Ещё не март. Под крепкой коркой льда...»	38
«Как трудно мне в бесснежном декабре...»	39
«Неряха-Март, рубаха-парень!..»	40
Март	41
«Я пришла на свет в окне...».....	42
«Не жаль мне времени на праздные мечты...»	43
«Рыбацкая лодка...»	44
«Собирались взрослые и пели...»	45
К сыну	46
«Рубашки мальчишеской узкой парус...».....	47
«Пирог — едокам, облака — беднякам...»	48
«Не бойся высоты, и я не буду — тоже...»	49
«Не пропади в дороге...»	50
Письмо	51
«Давно мы не виделись, брат!..».....	52
«Берег пуст. Холодная река...»	53
«До свиданья, Нико!..»	54
«Мы с тобой давно не говорили...»	55
«Вот и остаёмся мы с тобой...».....	56
«Это лето под Киевом...»	57
«Хочу вас видеть, слов не различать...»	58
«Мы займём у кого-нибудь денег...»	59
«Свобода! — так просто и так легко...»	60
«Печали наши в столбик умножая...»	61
«Если ты уцелеешь в отчаянной драке с собою...»	62
«Я увидела тебя издали...»	63
«Я вас, душа моя, люблю...».....	64
«Дуб мой, Дуб, не остави меня!..».....	65
Прогулка.....	66
«На стол ваш писательский — помните? — падал подранок...».....	67
«Страницы, имена, портреты...»	68
«Произнести: “люблю тебя” ...»	69
«Когда-нибудь останусь в ком-нибудь...»	70
«О чём мы с вами говорим?...».....	71
«Обнимемся перед дорогой...»	72
«Как яблоко готовое упасть...»	73
«Ну, как тебе живётся с расхристанной душой...».....	74
«Отложи Еврипида...»	75
«Невесёлые мысли...».....	76

«Не учат ни Кант, ни Сенека...»	77
«Не будем соперничать, мой темноглазый философ!..»	78
«Ироничный мой друг!..»	79
«Предчувствие меня не обмануло...»	80
«Что видишь ты из своего угла...»	81
«Разговор был возвышен и нетороплив...»	82
Художник и модель	83
Художник Люсьен Дульфан	84
Тулуз-Лотрек	85
«Мне поведал один художник...»	87
Над городом	88
«Художник молится на холст...»	89
«Будут трудные дни. Косматые движутся тучи...»	90
Мольберт	91
«Он — загадочный тип, он — другой, и живёт он везде...»	92
Дождь в понедельник	93
«Осень ходит следом за поэтом...»	95
«Морока, ей-же богу, с нами...»	96
«клавиатурой вперёд...»	97
«Только б музыка не умолкала...»	98
«Сыграй, приятель, что-нибудь!..»	99
Композиция Эрика Сати	100
«С ногами в кресло заберусь...»	101
«У Золотых ворот, у старого фонтана...»	102
«Музыка! — и замолкает поэт...»	103
«Погаснет свет. И в зале тишина...»	104
«О, Джаз! Могучий поджигатель крови...»	105
«Я люблю эти сполохи непостижимых чудес...»	106
«Снова мне приснился Киев фундуклеевской округи...»	107
«Дом смотрит мне в глаза...»	108
«Тумана кисея с утра накрыла море...»	109
«В кущах Днепровских деревья сплелись...»	110
Чертополох	111
Песня скомороха	112
«На реке на Лыбеди вечереет...»	113
«Старейшины, родоначальники...»	114
«Стало тихо. Шторма отгудели...»	115
«Колокола заплакали-запели...»	116
«Под вечер пришёл ко мне друг и сказал...»	117

«Из бездны, из «там», из «не ведаю», из ничего...»	118
«От суеты ума, от слов уйти и знаков...»	119
«Последняя баржа ушла за излучину. Всё...»	120
Противостояние	121
«Талант останавливать время даётся не всем...»	122
Брату.....	123
Санчо Панса — Дульсинея.....	124
За кулисами	125
«Вот Оперный театр. В нём жилы напряглись...»	126
«Там висели гардины с изображеньем принцесс...»	127
«О, как мы плутали с тобой по замшелому лесу!..».....	128
Одиночество	
I. «Жить, как все...»	129
II. «Не трогай меня, одиночество!..»	129
«За ночь расчистилось небо над городом...»	130
«В неделю зимних проводов...»	131
«Как мощно, однако же, начато...».....	132
В непогоду	133
«Никогда не была я в Париже...»	134
«Дикая мята на берегу...»	135
«Не найду на полке Фроста...»	136
«Защёлкал перепел, коней ведут в ночное...».....	137
«Привет!..».....	138
Конь	139
«Так долго душа молчала...»	140
«Всё пройдёт. Заживёт. Забудется...».....	141
«Мне хорошо и одиноко...».....	142
«Зазеленело старое дерево...»	143
«И чахлый огонёк подаст издалека...»	144
«Он вернётся, не плачь...»	145
«У лесного ручья — папоротник да мох...»	146
Тень	147
«Ночь на даче...»	148
«Парусник, медленный парусник...»	149
Перед штормом.....	150
«Прекрасна — ещё бы! — прекрасна земля...»	151
Ветер	152
Зеркало	153

«Был вечер. Тополя стояли...».....	154
Пасьянс.....	155
«Распутица. Поехать к брату...».....	156
«Разгорелось небо на закате...».....	157
«Ноябрь тебя уводит далеко...».....	158
«Всего ничего до весны...».....	159
«Куда мне без вас, дерева!..».....	160
«Исподлобья судьбы забренчали...».....	161
«Вольно мне думать и мечтать...».....	162
«Так много тишины, так море беспредельно...».....	163
«Падает свет на ладонь подорожника...».....	164
«Вхожу в Ирпенский лес, там вековые сосны...».....	165
«Отправиться бы, как во время оно...».....	166
«Луна, и кони, и ковыль...».....	167
«...а потом мы смотрели на дождь...».....	168
«Светилось допоздна окно напротив...».....	169
«Я сослана в себя...».....	170
«В том доме, где любили вас всерьёз...».....	171
«Ночь, море, ветер, камни...».....	172
«Мне довольно того, что на море рассвет и закат...».....	173
«Как по трясине тащится перо...».....	174
«Задумаешься в дороге...».....	175
«Необозримое поле...».....	176
«Где дважды два не всякий раз четыре...».....	177
«Никто не отберёт у нас...».....	178
«Поведи меня в цирк!..».....	179
«Каждый вечер на манеже появлялся белый клоун...».....	180
Артист.....	181
«Когда все слова переселятся в гнёзда молчанья...».....	182
«Карусели в снегу, потому что — зима...».....	183
«Счастливый бомж не ведал разорений...».....	184
«Над людьми, над толпой...».....	185
На отдыхе	
I. «В горах, на подвесном мосту свободно, высоко, воздушно...» ..	186
II. «Моё жильё — обычный домик...».....	186
III. «Но что со мною случилось?...».....	187
IV. «Проще грецкого ореха...».....	188
V. «Выхожу. Меня встречают...».....	188
«Ангел белый, ангел лёгкий, грустный ангел...».....	190

«Спящий мальчик, уснувший в одежде...»	191
«Ну вот, я наконец, свободна для постиженья трав...»	192
Труд	193
«С кочки на кочку, через болото...»	194
«Как часто печаль выбирает вечернее время...»	195
«Прогони тоску, пичуга...»	196
«Куражный, ненадёжный, дерзкий Март...»	197
«Я человека видела...»	198
«На отмели речной двухвёсельная лодка...»	199
«Учиться мудрости у медленной реки...»	200
«Мы узнаём друг друга, лебеда...»	201
«День уходил. Нас было трое. Мы...»	202
«Ночь замедляет шаги...»	203
«Пойдём со мной. Пойдём на Труханов остров...»	204
Скука	205
«Похоже, будет дождь... Угрюмый урбанист...»	206
«Одноокий фонарь...»	207
«Поди попробуй приручи...»	208
«И снова — в тот пейзаж, который вряд ли...»	209
Разрушенная мельница	210
«Нашедший истину молчит...»	211
«Душа моя, лошадка загнанная...»	212
«Свети же, ночная, вечерняя, утренняя звезда...»	213
«Прошла зима, хозяином вошёл...»	214
«Не думать ни о чём...»	215
«Так много дней уже не слышу я...»	216
К друзьям	217
«Старинной книги стёртые края...»	218
«Много неба, кусты кое-где и дорога...»	219
«Ещё не скоро у закатов зимних...»	220
«В эту зиму было столько снега...»	221
«Январских вьюг неистовые вихри...»	222
«Под липами стол дощатый...»	223
«Тростник на болоте в глубокой ночной тишине...»	224
«Куда вы меня не пустили?...»	225
«На пиру этой жизни набросано много всего...»	226
«Как волна с волной...»	227
«Здравствуй. Входи, Одиночество...»	228
«Тысячу раз говорили мне умные люди...»	229

«Ничего не случилось...»	230
Глиняный зверь	231
«Восходит солнце. Ночь была моя...»	232
«Снега. Тем летом вот на этом месте...»	233
«Как сторожа, на даче у веранды...»	234
«Вот оно, время громов и молний...»	235
«Корявое, старое дерево-Дуб...»	236
«В соседстве с пальмами живу...»	237
«Проснёшься ночью — над твоей кроватью...»	238
«Невозмутимый кипарис...»	239
«Хочу живую видеть ангела...»	240
«Живу, как будто бесконечна жизнь...»	241
«...и сказал мне «Здрастье...»	242
В поезде	243
«Мужчина средних лет ведёт на двор собаку...»	244
В театре	245
«Не забуду северных сияний...»	246
«В сопровождении Муз...»	247
«Вот и осень, — повадкую лисей...»	248
«Под вечным небом, под звёздной крышей...»	249
Море	250
«Перед кофейней чернокожий...»	251
«Июль. Изнемогают олеандры...»	252
«За соснами костёр виднеется...»	253
«...потерянный, полубезумный...»	254
«Теченьем к берегу прибило кривую ветку...»	255
Обращенье к отражению в зеркале	256
«Подумать только, что во мне...»	257
«Над городом — птичий переполох...»	258
«К чужому небу ввек не природниться...»	259
«Ты не печатным выполнен станком...»	260
Ностальгия	261
Киевский снег	262
«Зимнее поле. Даль...»	263
«Целый год мы с тобою не виделись, месяц-сентябрь...»	264
«Ранней осени медленный блюз...»	265
«Октябрь — пора самосожженья...»	266
«Агавы за ночь полегли...»	267
«В открытое окно ко мне...»	268

«Лет двадцати пяти китаец...».....	269
«Живут же люди и в воздушных замках...».....	270
«Живу в рассрочку...».....	271
«Пошли дожди, прохладные, осенние...».....	272
«Сама себе поверю на слово...».....	273
«Сочиняют мне завтрашний день...».....	274
«— Куда пойдём?..».....	275
«На юге Франции зима...»	276
«Увезу с собой...»	277
«— Однако, жив курилка!..»	278
«Мне не раз дводилось в дворах проходных...»	279
«Дверь чуть-чуть приоткрылась тугая...».....	280
«Как потёрлась одежда моя! А душа неприкрытая верит...»	281
«Ведь каждого у полосы заката...»	282
К поэзии	283
«Прощай, Поэзия! Греховная, прощай!..».....	284
«В день раздражённого солнца...»	285
«За меня постоит колокольные звоны...»	286
К жизни	287

Літературно-художнє видання

Галина КОМИЧЕВА

НА СРЕЗЕ ДЕРЕВА

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка

Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84^{1/16}. Наклад 200 прим. Зам. №4750
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 8,5
Гарнітура «Calibri».

Підписано до друку 27.2.2026 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл.,

м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Родилась в Коми АССР, окончила филологический факультет Киевского университета. Работала этнографом в Карпатах, редактором в издательстве «Українська Радянська Енциклопедія», референтом в Союзе художников Украины. Публиковалась в журналах «Радуга», «Крещатик», в антологиях «100 русских поэтов о Киеве» (2001), «Киев. Русская поэзия. XX век» (2003). Член Союза художников Украины.

